

С. В. Белецкий

ПЕСНИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ КАК ОБЪЕКТ МУЗЕЕФИКАЦИИ

(о к о н ч а н и е)

Основная часть статьи опубликована в предыдущем номере «Вестника СПбГУКИ», там же издано и *Приложение 1*. Предваряя публикацию *Приложений 2 и 3*, мне хотелось бы обратиться к коллегам – археологам, историкам, этнографам, филологам, словом, ко всем участникам археологических экспедиций разных лет: запишите свои воспоминания о песнях, которые вы пели и слушали в экспедициях (и не только) два, три, четыре десятилетия назад. вспомните, кто и когда привозил в экспедицию песни, кого называли авторами (реальными или мифическими) этих песен. Попробуйте вспомнить тексты тех песен, которые писались «к случаю»: кто, как и в связи с чем писал эти песни, как сложилась судьба авторов. Координаты для связи: E-mail: Serge@SB7231.spb.edu; 195253, Санкт-Петербург, а/я № 16, Белецкий С. В.

Мы когда-нибудь уйдем (все мы, увы, смертны), и вместе с нами из памяти уйдет целый пласт бытовой культуры, тех источников, без которых будущие историки науки вряд ли сумеют адекватно воссоздать и историю археологических открытий второй половины XX в., и историю повседневного быта археологических экспедиций, в которых эти открытия совершались. Но только от нас с вами зависит, сохранятся или же будут безвозвратно утрачены тексты экспедиционных песен, рассказы о песенном быте экспедиций и комментарии к упомянутым в песнях реалиям. Между тем, наши экспедиционные песни станут в будущем таким же интереснейшим источником, каким для нас является скальдика или песни трубадуров.

Публикуемые ниже *Приложения 2 и 3* представляют собой, как и *Приложение 1*, опыты музеефикации песенного фольклора. В текстах песен сохранены орфография и пунктуация источников. В подготовке текстов к изданию принимали участие А. С. Башарин и М. В. Венинг, которым я искренне благодарен не только за участие в изучении публикуемых источников, но и за неоднократные консультации по вопросам изучения песенного фольклора. Подстрочные примечания, обозначенные цифрами, составлены мною, а обозначенные звездочками – принадлежат авторам публикуемых текстов. В тех случаях, когда в публикуемых текстах раскрывались авторские сокращения, дополнения помещались в угловые скобки. Комментарии, составленные мною, обозначены **С. Б.**, составленные А. С. Башариным и М. В. Венинг – **А. Б.**, **М. В.** В текстах отсылки к комментариям обозначены номерами, заключенными в квадратные скобки.

В статье употребляются следующие сокращения:

АН СССР	–Академия наук СССР
ГАИМК	–Государственная академия истории материальной культуры
ИА	–Институт археологии
ИИМК	–Институт истории материальной культуры РАН
ЛГУ	–Ленинградский государственный университет
ЛИИЖТ	–Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта
ЛИСИ	–Ленинградский инженерно-строительный институт
ЛОИА	–Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛОИИМК	–Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР
ЛЭТИ	–Ленинградский электро-технический институт
МАЭ	–Музей антропологии и этнографии АН СССР («Кунсткамера»)
МГУ	–Московский государственный университет
МГПИ	–Московский государственный педагогический институт
МИФИ	–Московский инженерно-физический институт
ОИРК ГЭ	–Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа
ПГУ	–Пермский государственный университет
РАИМК	–Российская академия истории материальной культуры
РАН	–Российская академия наук
СПбГУ	–Санкт-Петербургский государственный университет
СПбГУКИ	–Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств

Воспоминания

М. В. Побединский¹

О наших песнях

Пласт самодеятельной (авторской), нередко – анонимной песни так же, как и жанры официального общепринятого искусства, по-своему отражает жизнь общества, иногда важные, порой – просто любопытные явления, прежде всего, будничной, бытовой сферы его существования, осмысления жизни рядовым человеком, человеком улицы, в том числе – обывателем. Вызывает восхищение инициатива петербургских археологов [1], обративших свой взор на этот феномен, взявшихся все-таки рассматривать, изучать его, сохраняя тем самым для будущего то, что до недавних пор не удостоивалось внимания официальной науки и могло бесследно исчезнуть вместе с авторами и исполнителями. Сегодня еще живут, действуют последние свидетели расцвета самодеятельной песни 1950–1960-х годов и еще можно что-то записать, сравнить, поразмышлять об этом. Кстати, редкий пример официального признания самодеятельной песни «Трубачи» («За околицей селенья / Небывалое явление...»), почти без изменения текста и мелодии введенная композитором А. Петровым в фильм «О бедном гусаре замолвите слово» и вновь ставшая популярной в наши дни [2].

Мои воспоминания связаны именно с этим периодом, с теми учебными заведениями, где я учился или преподавал, с теми компаниями, где я бывал, людьми, с которыми был близок и дружу по сей день. Гитара не была еще так популярна у нас, пели под рояль, и, может быть, потому, что я играл на нем и напевал песни, они хорошо сохранились в памяти моей. Многие из них в нашей компании звучат и сегодня.

В 1944–1946 годах я учился в средней медицинской школе Октябрьской ж. д. (Боровая, 55), и у нас популярна была песня «Горшочек». О ее происхождении и авторе я ничего не знаю. Но, судя по ее содержанию, стилю, она дореволюционная, или подделка под нее. Привожу ее текст, мелодия примитивна, что-то напоминает.

Горшочек

Когда я был ребенком
Ходить еще не мог
Любящая мамаша
Купила мне горшок
Такой маленький горшочек,
Такой маленький горшок,
Такой малый, малый, малый
Весьма объемистый горшок.

Подрос, остепенился
И двадцать лет спустя
Превыгодно женился
На старой деве я.
Весь день пила и ела –
Я должен ей служить,
А утро наступало –
Я должен выносить
Такой маленький горшочек...

Весь день в трактирах шлялся
И дома не сидел.
А утром возвращался –
Мне в голову летел
Такой маленький горшочек...[3].

Возможно, текст не полный, но мы знали и пели только эти куплеты.

¹ Побединский М. В. (1927–2001) – кандидат филологических наук, декан факультета повышения квалификации Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии.

С. В. Белецкий

В конце 1940 – начале 1950-х годов в Первом Педагогическом институте иностранных языков (Смольный, 3) пели «Студенческую сюиту». Сегодня она забыта. Начинаясь сюита с песни «В первые минуты Бог создал институты» [4], уже напечатанной в одном из археологических сборников. А дальше в нашей компании (может быть, и по моей инициативе) присоединялись следующие тексты на музыку известных песен, популярных тогда. Куплеты связывались также репликами, произносимыми в паузах между основными частями сюиты.

Студенческая сюита

По дороге длинной, скучной
Что вела в институт
Два студента рано утром
Заниматься идут.

Вдруг навстречу им попало кино
Тянет оно, манит оно
Как студентам в кино не зайти
Если оно по пути* .

И с этого часа, и с этого дня
Ходили студенты туда и сюда,
Ходили вокруг института домой,
В вихре кружились как шар голубой**.

Реплика. Но начинается экзаменационная сессия. Надо готовиться день и ночь.

А ночь коротка,
Спят облака,
Надо выучить кучу конспектов
От пола и до потолка.

А утром опять
Надо сдавать.
Профессура жива и здорова,
А студентам так хочется спать.

«Хоть я с вами совсем незнаком,
Ну, скажите, что такое *ом*.
Ну, скажите хоть слово,
Что ж молчите вы снова,
В кабинете пустом
Мы остались вдвоем,
Ну, скажите хоть слово».
«Профессор, но я не знаю о чем»*** .

Реплика. А в результате...

Всю ночь в деканате
Покойник лежал
В костюме студента одетый.
В руках он зачетную книжку держал,
И тихо рыдали студенты

К ногам привязали ему сопромат,
Чертежным листом обернули.
Молитву над ним прочитал сам декан
И с третьего курса спихнули****.

Реплика. Но все равно...

Жизнь студента весела и интересна
Ты об этом никогда не забывай
И в ученье, и в любви

* Мелодия утесовской песни «Девка краса, море глаза», названия ее не помню [5].

** Мелодия песни «Кружится, вертится шар голубой» [6].

*** Мелодия песни «Случайный вальс». Да и в тексте многое напоминает о нем [7].

**** Мелодия песни «Раскинулось море широко» [8].

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Ты мгновения лови
Никогда, никогда не унывай.

Если с девушкой идешь,
А денег нету,
И приходится садиться на трамвай.
Ты скажи ей шепотком:
«Милый друг, идем пешком».
Никогда, никогда не унывай.

Если выгнали тебя из института,
И услышишь ты прощальное «Гуд бай»,
Не вступай с деканом в спор,
Уходи в людской простор.
Никогда, никогда не унывай*.

Знаю, что были варианты текста сюиты. Например, в диалоге с профессором вместо *ом*, в зависимости от специальности студента, могло звучать *бином* или *симптом*.

Интересные самодеятельные песни появлялись в начале 1960-х годов. Происхождение и авторы их мне не известны. Возможно, это дореволюционные песни или подделки под них, такие, как популярная по сей день «Четыре зуба».

Четыре зуба

Цилиндром на солнце сверкая,
Одев свой парадный сюртук,
По Невскому как то гуляя
С Марусей я встретился вдруг.

В тазу лежат четыре зуба,
А я как безумный рыдал,
А женщина врач хохотала –
Я голос Маруси узнал.

Гулял я с ней четыре года,
На пятый я ей изменил.
Однажды в сырую погоду
Я зуб коренной простудил.

«Тебя я безумно любила,
А ты изменил мне, палач,
Теперь я тебе отомстила,
Безмозглый подлец и трепач.

От этой мучительной боли
Всю ночь как безумный рыдал.
Тогда всю собрав силу воли
К зубному врачу побежал.

Выдь вон из моего кабинета,
Ложи свои зубы в карман,
Носи их в кармане жилету
И помни Маруси обман!»

Врач дико схватил меня за горло,
Скрутил мои руки назад,
Четыре здоровые зуба
Он вытащил с корнем подряд.

По Невскому снова шагаю,
Иду я домой без зубов,
И как отомстить я не знаю
За эту проклятую любовь [10].

С 1962 года моя жизнь надолго оказалась связанной с Театральным институтом (ныне – Санкт-Петербургской академией театрального искусства) и театром, и любопытные самодеятельные песни того времени я услышал именно в этой среде. Популярной была тогда песня «А на кладбище все спокойненько», по моим сведениям, сочиненная и впервые спетая актером театра и кино М. Ножкиным на одном из московских театральных капустников [11].

А на кладбище все спокойненько

Четверть века в трудах и заботах я,
Все бегу, тороплюсь и спешу,
А как выдастся время свободное
На погост погулять выхожу.
Там, на кладбище, все спокойненько
Ни врагов, ни друзей не видать,
Все культурненько, все пристойненько,
Исключительная благодать.

Нам судьба уготована странная
Беспокойная ночью и днем,
И друг друга грызем на собраниях,
Надрываемся, глотки дерем.

* Мелодия песни «Ковбойская» [9].

С. В. Белецкий

А на кладбище все спокойненько
Ни врагов, ни друзей не видать,
Все культурненько, все пристойненько,
Исключительная благодать.

Ах, семья моя, свора скандальная,
Ах ты пьяный, скандальный сосед,
Ты квартира моя коммунальная –
Днем и ночью покоя все нет.
А на кладбище все спокойненько
Среди верб, тополей и берез
Все культурненько, все пристойненько
И решен там квартирный вопрос.

Вот, к примеру, захочется выпить вам,
А вам выпить нигде не дают,
Все стыдят да грозят вытрезвителем
И в нетрезвую душу плюют.
А на кладбище все спокойненько
От общности вдалеке,
Все культурненько, все пристойненько
И закусочка на бугорке.

Старики, я Шекспир по призванию,
Мне б гамлетов писать бы, друзья,
Но от критиков нету внимания (признания)
От милиции нету житья.
А на кладбище по традиции
Не сыскать никого, не видать,
Нет ни критиков, ни милиции,
Исключительная благодать.

Ряд песен я услышал от выпускника нашего Театрального института, впоследствии – актера Петрозаводского русского драматического театра И. Румянцева. Они составляют своего рода цикл песен, остроумно и добродушно пародирующих «русский», «французский» и «жестокый» романы. Эти песни порою звучат в театральных компаниях и в наши дни. Осмеиваются некоторые штампы романа. Мелодии оригинальны, и, в то же время, что-то напоминают. Автор текста «русского» романа «Тихо лаяли собаки» многие годы был мне неизвестен. Сейчас этот текст публикуется в сборниках сценариста и поэта Г. Шпаликова [12]. Существенных расхождений в тексте опубликованного стихотворения и романа нет.

«Французский романс» цикла – «Мадам Анжа» [13]. Комический эффект усиливается тем, что склоняются несклоняемые иностранные имена, а также чисто русским будничным пониманием французской действительности.

Мадам Анжа

Я вам, ребята, расскажу,
Как я любил мадам Анжу.
Мадам Анжа, мадам Анжа
Всегда красива и свежа.

Но появился вдруг Луи
Разбил он все мечты мои,
Поскольку со своим Луем
Анжа забыла обо всем.

Я приходил к мадам Анже –
Меня встречали в неглиже,
И я бросался на Анжу,
С нее срывая неглижу.

Мадам Анжа, мадам Анжа,
Вы негодяйка и ханжа!
Теперь хожу расстроен я
Из-за анжового Луя.

«Жестокый» романс цикла – «Я помню садик» [14]. Комический эффект усиливается здесь за счет контраста грустного, казалось бы, текста и веселой озорной мелодии.

Я помню садик

Я помню садик и ту аллею,
Где мы гуляли, мой друг, с тобой.
Ты говорил мне, что нежно любишь,
А я безумная поверила тебе.

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Уж скоро, скоро венки терновый,
Венки терновый да мне сплетут.
Венки терновый и гроб дубовый.
Меня на кладбище, на кладбище свезут.

Там жестко спать, но там нет измены,
Там нет коварных и злых мужчин.
Там черви раны мои залечат,
Которых ты, мой милый друг, не залечил.

Мои подружки, да веселятся,
Ох, веселятся, да без меня.
А я несчастная, приперта крышкою,
Не долетает звук гитары до меня.

Если мои записи некоторых самодеятельных песен сохраняют их для будущего, и, кто знает, когда-то возродят их к жизни, большего мне не надо.

Н. Б. Крыласова²

Песни Камской археолого-этнографической экспедиции

Как и в любой другой археологической экспедиции, у нас, в Камской археолого-этнографической экспедиции (КАЭЭ) Пермского Педагогического университета, существует традиция вечерних песнопений у костра. Традиция эта была заложена основателем и научным руководителем (в настоящее время) нашей экспедиции профессором А. М. Белавиным и его другом и почти близнецом В. А. Соколом. Они закончили Пермский классический университет и принесли с собой традиции, существующие в тамошней Камской археологической экспедиции.

Наш основной песенный репертуар делится на несколько циклов (обычно, начав петь, мы поем один цикл за другим). Наиболее древний цикл включает в себя старые студенческие песни («От зари до зари» [15], «В скучные минуты Бог создал институты» [16] и пр.), которые, на мой взгляд, известны повсеместно. Кроме этого, существует несколько студенческих песен, которые, возможно, были сочинены студентами Пермского классического университета:

Дубинушка

Там, где лампа горит,
Там студент все не спит,
Над конспектом согнув свою спину.
Все экзамены сдал,
Все зачеты столкал,
Но остался дубина дубиной...
Эх, дубинушка, ухнем,
Эх, кудрявая, сама пойдет,
Поддержем, поддержем да ухнем.

А декан говорит,
Деканат все твердит:
«Неприглядна учебы картина».
Но мы сами при том
Все уверены в том,
Что декан наш дубина дубиной
Эх, дубинушка, ухнем... [17].

Вероятно, были и еще куплеты, но их уже никто не помнит. Последний куплет всегда исполняется с особым энтузиазмом.

Гоп со смыком

Гоп со смыком это интересно
33 куплета всем известны.
Но споем мы вам родную
Истакийскую блатную
Как живут историки в Союзе.

Грекова, Мавродина читаем
Этих трепачей давно мы знаем
Их книжки прочитаешь

Как зараза хохотаешь
Ни черта ты в них не понимаешь

Бей профессоров, они гадюки
Нам очки втирают за науки.
За Египет, фараонов,
За Солоновы законы
Можно помереть от этой скуки [18].

² Крыласова Н. Б. – доцент Пермского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук.

С. В. Белецкий

Гимн историков ПГУ

Говорят, что на истфаке продержаться может всякий
Надо только минимум терпения.
Скажем прямо: «Это ложь, вот поучисься – поймешь,
А поймешь, дойдешь до отупения».

Даты, цифры, люди, звери, до и после нашей эры,
Войны и восстания народные,
Македонский, Роттердамский, пан Стобровский, пан Барклянский
Вам заменят маму вашу родную.

Иностранные языки по началу очень дики
В них не произносится, а лается, но
Стерпится и слюбится, сдастся и забудется.
В жизни все течет, все изменяется.

На военной подготовке это вам не на морковке
Надо здесь таскать вооружение.
Прочь влияние извне, с пулеметом на спине
Марш в атаку до изнеможения.

Если вы уже устали, отупели и отстали,
Вам до фонаря искусство Африки,
Марш на укрепляющую, нервы закаляющую,
Если жив пока еще, педпрактику [19].

Когда образовался исторический факультет в нашем педагогическом университете, на моем курсе шла подготовка к церемонии открытия, и мы придумали песню, которая популярна у нас и поется уже почти по всему Урало-Поволжскому региону. Слова сочинила О. В. Голдобина.

Черепашьим шагом иль аллюром,
Незаметно или все сметая,
Проползает, или пролетает,
Вот она история какая.

Мы сражаемся при Ферморпилах.
Поразит клинок канкистодора.
Победим на рыцарском турнире,
На фрегате быстром выйдем в море.

Мы спешим все уловить, запомнить,
И пытаемся во все вмешаться,
Ярки наших лошадей попоны,
Мы герои будем, может статься.

От лишений, бед и войн пожаров,
От дурного глаза и позора
Мы историю оберегаем –
История не яблоко раздора.

У нас же на курсе переделали студенческую песню, переделанную из русской народной, которую узнали от студентов политехнического института [20]:

Раскинулись карты

Раскинулись карты по стенам опять
Вдали пирамиды стояли
Студент уж не мог Вавилон показать
Ему с укоризной сказали:

К нему подбежала студентов толпа,
Профессоры тоже тут были,
Декан уж хотел и стипендию дать,
Да ноги у трупа остыли.

«Экзамен нельзя „на арапа“ сдавать,
Профессор тобой не доволен
Сумеешь крестовый поход описать
Иль будешь с истфака уволен».

Три дня в деканате покойник лежал,
В пурпурную тогу одетый,
В руках он зачетную книжку держал,
Единственной тройкой согретый.

Представил студент, что стипендии нет,
В глазах у него помутилось,
Из рук его выпал последний билет.
Упал, сердце больше не билось.

Не плачьте, студентки, над прахом его,
Материя не исчезает.
Погибнет студент, на могиле его
Огромный лопух вырастает.

Подобную песню на тот же мотив придумали в экспедиции школьники. Она называется «Раскопы», заканчивается словами «Раскопы стоят неприступной стеной, других дураков поджидают». В песне упоминается А. М. Белавин, поэтому он запретил петь эту песню при нем, и она постепенно забывается.

Песни исторического цикла у нас поются те же, что и везде, как и песни питейного цикла [21]. Что касается песен собственно археологических, то помимо общеизвестных, у нас на Урале есть ряд песен, которые были сочинены еще при

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

О. Н. Бадере [22] и его первых учениках. Эти замечательные песни незабываемы, так как участники экспедиции относятся к ним как к исторической реликвии и считают своим долгом выучить их в первую очередь. Эта песня появилась в начале 1950-х гг. [23]. Кто-то говорит, что ее сочинили во время раскопок знаменитой Каповой пещеры, кто-то выдвигает иные версии.

В деканат пришла петиция...

В деканат пришла петиция,
Не петиция – калач:
Приглашает в экспедицию
Бадер Отто Николаич...

От того лишь, что мы олухи,
Записались в археологи,
Запаслись гитарой-лирою,
Колбасой дешевой, ливерной.

Не пускали наши матери,
И декан ругался матерно.
Был весом и обстоятелен
Лексикон его ругательный...
От того лишь, что мы олухи...

Шли от плотбища до капища,
Шли роняя пота каплица,

Рюкзак повесив на спину,
Языки закинув на плечо...
От того лишь, что мы олухи...

У пещеры тайны жуткие
Не отделаешься шутками.
Мы копаемся в ней сутками
И выносим кости сумками...
От того лишь, что мы олухи...

Наши песни льются волнами,
На уют мы смотрим волками.
Спели песню археологи,
Ваше слово, спелиологи...
От того лишь, что мы олухи...

При исполнении этой песни А. М. Белавин, а в его отсутствие кто-нибудь из старших студентов между каждой строчкой припева вставляют реплики, например: «От того лишь, что мы олухи» («как Артем»), «записались в археологи» («даже Оля»), «запаслись гитарой-лирою» («и миллиметровку не забыли»), «колбасой дешевой, ливерной» («да еще и сгущенкой») и т. п.

Устуйцы...

В маленькой избушке
Огонек горит,
Четверо* устуйцев
Голодом сидит.

Хлеба нет ни крошки,
Нету молока,
Даже нет картошки,
Подвело бока.

У завхоза Вальки
Есть один ответ:

«Вот приедет Генинг,
Будет вам обед».

Вот приехал Генинг,
Улыбнулся всем:
«Деньги будут скоро».
И уехал с тем.

В маленькой избушке
Огонек погас
Четверо устуйцев
Спят в последний раз [24].

Рассказывают, что эта песня основана на реальной истории. Хотя, к счастью, там никто не умер, но было очень голодно. У нас эта песня была особенно актуальна в первые годы перестройки, когда все было по талонам, и продуктов все время не хватало (однажды студенты-практиканты даже устроили хлебный бунт). Уже точно никто не помнит, сколько на самом деле было этих устуйцев, и почему их так называют.

Песня «Моя дорогая» не археологическая (говорят – туристическая). Но она обязательно хотя бы один раз исполняется в каждой экспедиции. Обычно старшие мужчины посвящают эту песню какой-нибудь из самых молоденьких и скромных девочек-школьниц или первокурсниц. Ее реакцию можете представить себе сами:

Моя дорогая не блещет красою
Ни гибкостью стана, ни русой косою,
Ни русой косою, ни гибкостью стана,
Чем блещут обычно героини романа.

Единственно платье мышинного цвета
Она не снимает от лета до лета
И вот это платье, друзья, я не скрою,
С нее я срываю своею рукою.

Я платье срываю рукою несмелой,
Скорей бы увидеть желанное тело,
Губами коснуться единственной в мире.
Моя дорогая... картошка в мундире [25].

* «Шестеро», «семеро»... Все поют по-разному.

С. В. Белецкий

Кто и когда ее придумал, я не знаю, на моей памяти она была всегда, когда-то ее спели и для меня.

Несколько археологических песен, исполняемых в нашей экспедиции, можно выделить в особый ностальгический цикл. Эти песни особенно актуальны зимой, когда снег надоел, хочется поскорее лета и поля. Одна из этих песен была нами заимствована еще где-то в конце 80-х годов прошлого столетия у Челябинской школы юных археологов. Кто и при каких обстоятельствах ее сочинил, нам не известно, но этот «крик души» очень пришелся нам по душе:

Ребята, я в поле хочу,
Ребята, какие там утра,
Вставать там и долго и трудно.
Ребята, я в поле хочу.

Ребята, я в поле хочу,
Ребята, какие там люди.
Грехи их никто не осудит.
Ребята, я в поле хочу.

Ребята, я в поле хочу.
Ребята, какая там каша.
Ее все нахваливал Яша,
Ребята, я в поле хочу.

Ребята, я в поле хочу.
Ребята, какие там ночи.

Пусть даже нас дождик замочит.
Ребята, я в поле хочу.

Ребята, я в поле хочу.
Ребята, какие там песни.
А с песнею жить интересней.
Ребята, я в поле хочу.

Ребята, я в поле хочу.
Ребята, какие там вина.
Возьмешь, и напьешься невинно.
Ребята, я в поле хочу.

Ребята, я в поле хочу.
Ребята, не могу я боле!
Уснуть, и проснуться бы в поле.
Ребята, я в поле хочу.

В начале 90-х годов наш студент, Вадим Шабалов, после археологической практики, пребывая в ностальгическом расположении духа, сочинил песню, которая пользуется успехом до сих пор, и уже широко разошлась по Урало-Поволжью. У нас эту песню так и зовут «Вадимовская».

Летний ветер шевелит устало
Лепестки цветов и языки костра.
День окончен, снова ночь настала,
Время песни петь до самого утра
 Про разведки, раскопки, дожди и жару,
 Свист ветра и пение птиц,
 Про спирта казенного добрую чарку
 По кругу избранных лиц.

Зной начистил лунный диск до блеска,
Разметал на небе звезды серебром.
Словно антикварная подвеска
Над костром мерцает в пламени ведро.
 И вновь разведки, раскопки, дожди и жара,
 Свист ветра и пение птиц.

Возможно, и спирта казенного чарка
По кругу избранных лиц.

Сокровища моих воспоминаний
Не погрузятся в Лету бытия
И счастлив тот, кто здесь сегодня с нами
Поет, а может слушает меня
 Про разведки, раскопки, дожди и жару,
 Свист ветра и пение птиц,
 Про спирта казенного добрую чарку
 По кругу избранных лиц.
И вновь разведки, раскопки, дожди и жара,
Свист ветра и пение птиц.
Возможно, и спирта казенного чарка
По кругу избранных лиц.

Честно говоря, у нас казенного спирта бывает совсем мало, поэтому он исключительно для избранных. Хотя в последние годы наши студенты изобрели изумительный напиток – сладкий крепкий и горячий чай Каркадэ, в который добавлено немного спирта. Прозвали этот напиток «кердык», он не очень крепкий, зато вкусный, приятно согревает и веселит. Теперь пение песен у костра сопровождается неизменной чайной церемонией.

Однажды (а точнее в июле 1995 г.) в работе нашей экспедиции принимал участие молодой археолог из Астрахани Дмитрий Васильев, скромный и веселый парень, любимец всего Урало-Поволжья. Он привез нам несколько своих песен, среди которых нам особенно полюбилась «Песня про отвал», поскольку она как нельзя лучше отражает правду археологической жизни. Особенно замечателен припев:

Ах, отвал, ты поражаешь высотой,
Ах, отвал, я преклоняюсь пред тобой,
Ведь на целом раскопе едва ли
Можно больше найти, чем в отвале.

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

На севере Пермской области, где мы копали Редикарское городище и могильник на р. Вишере, Дима все время мерз, даже в жару (в нашем понимании) ходил в фufайке, и слегка страдал по своим южным экспедициям. Его потрясали белые ночи, местные жители, клещи и многое другое, неведанное раньше. В результате родилась такая песня:

Ну ладно, надо – значит надо, выезжаем,
Где предстоит трудиться, не жалея сил,
Куда Макар телят разумно не гоняет,
И клещ уже по дури вирус заташил.

Тут городище есть чуть-чуть похуже Трои,
Ну ладно, может не чуть-чуть, а так, слегка,
Но климат местный вряд ли Шлимана устроит,
Зато полярника – как раз наверняка.

Тут солнце жарит в середине ночи,
Зато весь день потом наяривает дождь.
Сюда ссылали заключенных, между прочим.
Но для раскопа лучше места не найдешь.

И не найдешь такой непыльной работенки –
Грунт – просто класс – разок копнул, и все дела –
Всего полметра – камень и щебенка,
А остальное – цельная скала.

Народ привычный здесь ко всяческой заразе, –
Пьют все что можно, все, кто может пить,
Тут первый встречный ребяенок хриплым басом
У вас попросит сигаретку закурить.

Тут комары так надоели населенью,
А населенье так приелось комарам,
Что те и эти, словно мухи на варенье,
И днем и ночью лезут в гости к нам.

Изведав радость комаров на личной шкуре,
Я постепенно начинаю понимать,
Как здесь пришла хана родановской культуре
Еще примерно тыщу лет назад.

Здесь можно жить! Но лишь нося фufайку летом,
И жизнь «гвоздикой» отравляя комарью.
Вот доказательство – могилы наших предков,
Ведь жили ж люди в эдаком раю.

Здесь можно жить, но лучше жить на юге,
Где в саксаул верблюдов гонит аксакал,
А тут медведидохнут от тоски и скуки,
И тишина, и леший бродит между скал.

Тут не хватает лишь оленей и тюленей,
Зато полно бурундуков, – я сам видал!
Пишите нам – пока что адрес неизменен –
Село Редикар, школа, Северный Урал.

Ну а когда Дима наконец вернулся на родину в теплую Астрахань, как это часто бывает, ему стало не хватать тех острых впечатлений, которые он получил в Пермской области, поэтому появилась вот такая ностальгическая песня:

Однажды я вскочил на поезд, и легко
Он утащил меня на юг, где рядом море,
Но Пермь так далеко, но Пермь так далеко,
А то б я зажил здесь, не зная горя.

С. В. Белецкий

Я писем не пишу, хоть это нелегко,
Пытаюсь я забыть о том, что стало с нами,
Но Пермь так далеко, но Пермь так далеко,
И эту даль не вымереть шагами.

Я в реку окунусь – в парное молоко,
Разрежу я арбуз мясистый, толстокорый.
Но Пермь так далеко, но Пермь так далеко –
В стране вечнозеленых помидоров.

Здесь солнце горячо, здесь небо высоко,
Отсюда уезжать мне будет очень больно,
Ведь Пермь так далеко, ведь Пермь так далеко
От белой астраханской колокольни.

Но люди здесь не те, и климат не такой,
Горячая метель в лицо метет упрямо,
А я так далеко, а я так далеко –
Я там, где сосны встали по-над Камой.

Напьюсь я из ручья над Вишерой-рекой
Я утоплю сапог в душистое болото,
Но Пермь так далеко, но Пермь так далеко –
На сотню караванных переходов.

...Однажды, разорвав безвременья обман,
Колеса отстучат мелодию простую,
И к вам из дальних стран придет мой караван,
И подадут состав на Пермь-вторую.

Мне и самой приходилось переделывать песни. Например, как-то раз мы сидели у костра всю ночь, перепели все общеизвестные песни, и стали вспоминать каждый, что знает. У меня всплыла в памяти старая озорная альпинистская песенка про пятую точку [26], которую я помнила еще из своего пионерского детства. Ребятам она понравилась, и мы тут же ее переделали, а после несколько лет подряд добавляли по обстоятельствам еще куплеты:

Мы на раскопки ехали и пели
В грузовичочке, на рюкзачках,
И в результате синяки набили
На пятой точке, на пятой точке.

А здесь у нас нормальная природа:
Сучки-сучочки, пеньки-пенечки,
И очень трудно отыскать местечко
Для пятой точки, для пятой точки.

А повар наш кормил нас всех нормально:
Супы-супочки, чай-чаечки,
И в результате кости выступали
На пятой точке, на пятой точке.

Нам дядя Сокол выдумал значки
К чему значки нам, к чему значечки?
Нас узнают по дырам и заплатам
На пятой точке, на пятой точке.

Олег Нечаев в гору лез за делом:
Нарвать цветы, сорвать цветочки.

Он и с горы спускался так же смело
На пятой точке, на пятой точке.

Наш дядя Сокол ел лягушек часто,
И саранчи он жевал кусочки,
И в результате он сидел в лесочке,
На пятой точке, на пятой точке.

Андрей Михалыч бил нас очень часто
Дубинкой крепкой, сучком-пенечком.
И в результате он набил нам шишки
На пятой точке, на пятой точке.

Пижон прощается с подругой,
Целует ручки, целует щечки,
А археолог свою подругу шлепнет
По пятой точке, по пятой точке.

Нам с головой не тягостно расстаться,
Прожить без сердца, прожить без почки.
Но упаси нас, Господи, остаться
Без пятой точки, без пятой точки.

Е. С. Останин³

Как появилась песня

1973 год. Лето. Археологическая практика студентов первого курса исторического факультета Кировского государственного педагогического института. Раскопки на высоком берегу реки Вятка близ деревни Конец [27]. Руководитель практики – Ирина Игоревна Стефанова. Найдено много оружия, изящно выделанные украшения конской сбруи и поясов, скелет 12-летней девочки с хорошо сохранившимися зубами. Впечатления от практики вдохновили меня на сочинение «Песни начинающего археолога» в характерном для того времени возвышенно-романтическом стиле, который в действительности лишь отчасти соответствовал испытываемым нами чувствам. Они были несколько прозаичнее, если не сказать – циничнее. Достаточно упомянуть о хулиганской выходке, которая тогда вызвала у нас удовольствие от своего остроумия. В большую консервную банку был напихан всякий сор, как-то: винные пробки, конфетные бумажки, сигаретные пачки, несколько копеек и чуть ли не презерватив. Всю эту дрянь сопровождала издевательская записка, адресованная будущим поколениям студентов-практикантов типа «копать вам не перекопать». Банка была тайно погребена в самом центре еще не тронутого лопатами участка.

Песню я закончил к началу учебного года и впервые исполнил на одной из групповых вечеринок в общежитии. Приняли опус одобрительно. С этого момента он вошел в мой репертуар, исполняемый в данной аудитории. Припев обычно подхватывался всей компанией. Пели археологическую песенку и на регулярных встречах выпускников после окончания института. Обычно за ней следовал сбивчивый, но воодушевленный поток воспоминаний о той практике, правда, имевший мало общего с археологией.

Песня начинающего археолога

Вонзаются в твердый грунт лопаты.
Ну, где же вы, скифы и савроматы?
Откройте нам тайны свои!
Земля, покажи нам свои богатства,
Дай к ним прикоснуться веселому братству.
Раздайтесь, культурные слои!
Кого-то манит Галактика. Кого-то требуют сопки.
Кто говорит – романтика. А мы говорим – раскопки! (2 раза).

Двенадцать долгих веков проплыло.
И вот мы склоняемся над могилой –
Лишь зубы хранила земля...
И здесь на горе мы клянемся молча,
Что через столетья дойдут к потомкам
Не зубы, а наши дела!
Кого-то манит Галактика...

А. М. Буровский⁴

О песнях красноярских экспедиций

Песни, о которых пойдет речь, пелись в трех сибирских экспедициях:

1. В экспедиции Николая Ивановича Дроздова; она была основана в 1974 году как Северо-Ангарская археологическая экспедиция (СААЭ), а с начала 1980-х годов приняла название Красноярской археологической экспедиции (КАЭ).

2. Экспедиции Красноярского краевого краеведческого музея, которую основал в 1978 году Николай Поликарпович Макаров и которой он руководит до настоящего времени.

3. Экспедиции Краевого Дворца пионеров и школьников (КДПиШ), которой до 1987 г. руководил автор.

³ Останин Е. С. – доцент Вятского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук.

⁴ Буровский А. М. – профессор Красноярской государственной архитектурно-строительной академии, кандидат исторических и доктор философских наук.

С. В. Белецкий

При этом замечу: в работах СААЭ-КАЭ я участвовал только до середины 1980-х гг. За последующие пятнадцать лет в экспедиции появились новые люди, а те, кого я знал начинающими, стали работать самостоятельно или возглавили собственные отряды. Песенный фольклор этих экспедиций и отрядов мне совершенно не известен. Из Дворца же пионеров я ушел осенью 1987 г., и, соответственно, весь фольклор более поздних археологических экспедиций КДПиШ мне также неизвестен. Пишу я это с одной целью – показать, что мои воспоминания никак не могут претендовать на охват не только Сибири, но даже и одного отдельно взятого Красноярска. Это – фрагмент общего песенного богатства археологических экспедиций одного сибирского города, не более.

Во всех экспедициях, естественно, пелись, *во-первых*, песни общеэкспедиционные [28]: «Перекаты» [29], «Мокрый вальс» [30], «Сьерра» [31], «Старатели»*. Этот пласт не отличается от пласта таких же экспедиционных песен в любом другом уголке России, тем более – у них единый источник.

Во-вторых, пелись песни туристические, большая часть которых – тоже песни-космополиты. В качестве яркого примера – «Шар голубой» [32]. Насколько мне известно, не только в сибирских, но и в большинстве археологических экспедиций превращали эту песню как бы в археологическую с помощью просто переделки одной только строчки:

Археологам нельзя без песен,
Чтобы в сердце не пробралась плесень.

Единственной интересной песней, которая далеко не везде становилась экспедиционной, могу назвать песню «Про жену засекреченного физика» [33].

В-третьих, пелись песни гедонистические, но вот в них-то совершенно отсутствовал очень важный и очень симпатичный пласт, который можно назвать «историческим» – «Крамбамбули» [34] и старинные студенческие песни. Почему-то отсутствует и «Ах, как нам весело» [35]. Вот что пели охотно, так это «Сердце ек-ек-ек, вот пивной ларек» [36].

Несомненно, песня про Исакия святого [37] пришла еще от тех, дореволюционных студентов. Во всяком случае, мой прадед, Василий Егорович Сидоров, окончивший Лесной институт в 1898 г., знал и с удовольствием пел эти песни. В Сибири этот пласт, увы, совершенно отсутствует. А «Студенческую» пели в такой форме:

В первые минуты Бог создал институты,
А Адам студентом первым был.
Он ничего не делал, ухаживал за Евой,
И Бог его стипендии лишил.

Чарльз Дарвин двадцать лет трудился,
Чтоб доказать людей происхождение.
Дурак! Он лучше бы женился,
Тогда бы не было сомненья.

У Адама драма: двойка у Адама.
Вызвали Адама в Божий суд.
И на землю прямо скинули Адама,
Скинули Адама в пять минут.

Коперник тридцать лет трудился,
Чтоб доказать Земли вращенье.
Дурак! Он лучше бы напился!
Тогда бы не было сомненья.

Так наливай, студент студентке,
Студентки тоже пьют вино,
Непьющие студентки редки,
Они уж замужем давно.

Ну что за предрассудки,
Есть три раза в сутки
И ложиться в чистую кровать.
А мы без предрассудков,
Едим один раз в сутки,
А на остальное наплевать.

Колумб Америку открыл,
Страну для нас совсем чужую.
Дурак! Он лучше бы открыл
На нашей улице пивную.

От сессии до сессии
Живут студенты весело,
А сессия всего два раза в год.

Легко заметить, что в этом тексте «слеplены» две разных песни [38]. Но что поделаться! Так вот уж ее пели.

* Из этой песни помню только первый куплет и припев:

Ветер и метель заметут следы.
Молча мы идем на север.
Там, где сам и черт не сумел пройти
Мы с тобой пройдем.
Люди золота жаждут, чтоб его тратили.
Вечно в мире суровом бродят старатели
Кострами небо грея.

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

В-четвертых, конечно же, пелись песни археологические. Эти песни считаются всеобщими, профессиональными песнями, но в действительности поют их по-разному и знают не везде. Классического «Скифа» [39] пели не во всех экспедициях Сибири. Этой песни совершенно не знали в Северо-Ангарской экспедиции в 1970-е гг., и я впервые услышал ее в 1979 г. в экспедиции З. А. Абрамовой на Двуглазке. В экспедицию Н. П. Макарова она принесена из Кемерово, и к тому же в Сибири ее исполняют в сокращенном варианте:

За Танаис-рекой, да рекой,
Скифы пьют-гуляют.
Потерял грек покой, грек покой,
Скифы пьют-гуляют.

Я поеду в Херсонес, в Херсонес,
Там продам гнедого.
А потом в кабак залез, в кабак залез,
Выпью там хмельного.

Даль степная широка, широка,
Все Причерноморье.
Повстречаю грека я, грека я,
Во широком поле.

Выпью критского вина, да вина,
Не смешав с водою,
Всю то ночь проведу, да проведу,
С гетерой молодую.

Со всей силы рубану, рубану,
По поганой рожке,
А коня себе возьму, коня возьму,
Конь всего дороже.

Степь донская широка, широка,
Нет конца и краю...
Льется песня степняка, степняка...
Льется, затихает....

Мало того, что эта песня сокращена (вылетели все не актуальные для Сибири куплеты), заменены детали, совершенно принципиальные для античников, но неважные в Сибири: «Всю погану рожу» вместо «всю античну рожу», «со всей силы рубану» вместо «акинаком рубану», «критского вина» вместо «книдского» и так далее. Временами находится тот, кто пытается исправлять песню, вставляет «правильные» слова..., но это всегда ненадолго, очень скоро ее опять начинают петь «неправильно».

Песня «Сырая тяжесть сапога» считалась своей, археологической песней, и ее авторство в Красноярске приписывалось иркутским археологам [40]. Причина понятна: таежные реалии в Северном Приангарье куда ближе, чем Причерноморские.

В песню «Черт побери, выпить хочется, братцы» [41], красноярцы внесли свое дополнение. У нас в 1976–1977 гг. пелось:

Черт побери, выпить хочется, братцы.
Не пора ли нам вместе собраться,
Опрокинуть стаканчик-другой,
В пивной!

Здесь вам раскоп, а не в парке гулянье,
Так оставьте все ваши желанья
Опрокинуть стаканчик-другой,
В пивной!

При фонаре керосиновой лампы,
Я сижу и все думаю, как бы
Опрокинуть стаканчик-другой,
В пивной!

А все-таки черт побери, как выпить хочется, братцы!
Не пора ли нам вместе собраться,
Опрокинуть стаканчик-другой,
В пивной!

Во время раскопок поселения Пашино мы – автор этих строк и Александр Михайлович Пашинов (совпадение его фамилии и название поселения – чистой воды случайность) сочинили еще один куплет:

Вот кончим раскоп без единого трупа,
И тогда соберемся всей группой
Опрокинуть стаканчик-другой,
В пивной!

С. В. Белецкий

Его смысл состоял в том, что на Пашино работы велись силами студентов-первокурсников, проходивших археологическую практику. Позже я слышал, как песня исполняется уже с этим куплетом, как будто он всегда тут и находился.

В ходу была еще такая песня:

Вчера как зачищали слой

Вчера, как зачищали слой, обрушили мы стенку,
Боже мой, не в этом смысл, не в этом радость века.
Но шеф грохочет: «Не стоять,
Зачистить и перекопать!»
Не надо, пожалейте человека!

На перерыв звучит сигнал,
Я на траву без чувств упал,
Желая полежать, закрывши века.
Но тут же слышится призыв:
«Довольно! Кончен перерыв!»
Не надо! Пожалейте человека!

После обеда каждый раз
Дежурный уверяет нас:
Добавка, это, братцы, не помеха.
Немного супу, киселя...
Я что, варил* все это зря?!
Не надо! Пожалейте человека!

Что наша жизнь? Лови успех!
Сегодня вниз, а завтра вверх.
Вот в этом смысл, вот в этом радость века.
Сегодня здесь начальник он,
А завтра мне он подчинен.
Не надо! Пожалейте человека!

Была еще песня, которую я как-то не встречал за пределами Сибири:

Работает дружно огромный отряд,
По всем направлениям отщепы летят,
Но нам не отщепы, но нам не отщепы нужны!
А нужен нам такой скелет,
Которому тысячи тысяч лет,
Которого так не хватает для нашей страны!

Бросайте лопаты, хватайтесь за нож,
Лопатами тут ни хрена не возьмешь.
Ведь как глубоко закопался под землю, подлец!
Да ну его на фиг, довольно копать,
Тащи его за ногу, так его мать!
И вот из земли наконец показался конец!

Эту песню завершали, как правило, взрывом «гедонистического» хохота.

В-пятых, пелись песни-однодневки. Как правило, это были песни-переделки, в которых изменено порой очень немного текста и которые сочинены специально к какому-то событию или по какому-то случаю. Интересны они именно тем, что в них отразилось это событие. Но беда в том, что как только актуальность события осталась в прошлом, и стихи тоже сразу же забываются, потому что становятся никому не нужны, а тем, кто пришел в экспедицию после события, и непонятны.

Мне запомнились три песни-однодневки, сочиненные в разное время и по разным поводам: запомнились потому, что они имели прямое отношение ко мне, или связаны с очень уж яркими эпизодами.

Первая сочинена в 1976 или 1977 г. – это переделка «Скифов», связанная с одним довольно неприятным событием. В 1976 году были заказаны несколько Открытых листов [42]: по форме № 1 на Н. И. Дроздова, и по рекомендации самого же Дроздова по форме № 3 на А. М. Пашинова, А. Асочакова, которые были

* Характерно, что есть две версии: «я что варил», и «я что, варила»: в разных отрядах были разные традиции.

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

тогда студентами 2 курса Педагогического института и по форме № 2 на В. И. Привалихина, выпускника того же института. Полевой комитет не утвердил Отчет Н. И. Дроздова за 1975 г., и отказался выдавать ему Открытый лист на 1976 г. Но рекомендации Дроздова принял всерьез, и Открытые листы Привалихину, Асочакову и Пашинову пришли! Дроздов уже после выезда экспедиции в поле поехал в Красноярск получать Открытые листы... Обнаружив, что «кому-то» они пришли, а ему нет, он отослал пришедшие Открытые листы обратно.

Именно по этому поводу возникла песня, которую пели, насколько мне известно, только два года, и которая уже в эти годы была понятна не всем – не все были в курсе конфликта. К 1980-м годам эта песня-однодневка оказалась намертво забытой. Привожу ее по памяти:

Ангара-то широка, широка,
Нет конца и краю,
Повстречаю шефа я, шефа я
Пьяного в сарае.

Штыковухой изрублю, изрублю
Всю погану рожу.
А Открытый лист себе возьму, себе возьму,
Он всего дороже.

Я поеду в Толстый Мыс, в Толстый Мыс*
Покажу бумагу,
А потом в кабак залез, в кабак залез,
Самогону флягу.

Выпью спирта как вина, как вина,
Не смешав с водою,
Всю то ночку до утра, до утра,
С дояркой молодую.

На эти же темы сочинена еще одна песня, автором которой является Владимир Владимирович Пантелеев. Слова этой переделки забыты так же намертво, остались в памяти только слова куплета:

Лопата железная все в землю вгрызается,
А все что раскопано, Дроздову достанется!

Вторая песня-однодневка пелась в экспедиции Н. П. Макарова в 1979–1983 гг., когда сам Николай Поликарпович был еще очень молод, а старший состав его экспедиции был младше начальника лет на 10 и даже на 5 (что накладывало на отношения вполне понятный отпечаток). Это переделка известной песни В. Высоцкого «Наш Федя с детства связан был с землею» [43], только везде в тексте Федя аккуратно заменялся на Колю. Надо отдать должное Николаю Поликарповичу, выдерживал он это стоически, и никогда не преследовал певцов:

Наш Коля с детства связан был с землею,
Домой таскал и щебень, и гранит,
Порою он притаскивал такое,
Что все соседи плакали навзрыд...

Третью песню-однодневку сочинили в моей экспедиции, во время работ на поселении Дружиниха. Тогда, в 1985–1987 гг., я провел подробную съемку поселения, собрал подъемный материал и провел частичные раскопки памятника. Жили мы на берегу Енисея, в двух с половиной километрах от памятника и каждый день выходили к нему на работу. Одна смешная деталь – упоминание не чего-нибудь, а именно нивелира – связана с тем, что этот ценный прибор я брал у знакомых геологов, и очень трясся над ним.

* Толстый Мыс – поселение на Ангаре, которое раскапывалось Н. П. Макаровым практически на энтузиазме. Своего рода символ работы, не оплаченной деньгами и ни обеспеченной продуктами и материально-хозяйственной частью.

С. В. Белецкий

Эта песня – переделка «разбойничьей» песни Иностранного легиона [44], тогда модной в молодежных кругах и, по слухам, даже официально запрещаемой:

Мы выходим на рассвете
Из раскопа дует ветер.
Раздувая нашу песню до небес,
И только пыль под сапогами,
С нами БАМ* и наше знамя,
И тяжелый нивелир наперевес.

Командир у нас хреновый
Несмотря на то, что новый
Только нам на это дело наплевать.

И не больше и не меньше,
Было б выпить, что покрепче,
Все равно какую сволочь раскопать.

Если даже кто-то помер,
Без него играем в покер,
И нимало не жалеем ни о чем.
Есть у каждого в резерве
Ящик с пивом и консервы,
И палатка, занесенная песком.

Эту песню радостно распевал отряд, маршируя под нее к Дружинихе, и это было довольно весело.

КОММЕНТАРИИ

1. С. Б. Вероятно, имеется в виду сборник «Песенный фольклор археологических экспедиций» (Далекое прошлое Пушкиногорья. СПб., 2000. Вып. 6), экземпляр которого я подарил Побединскому в 2000 г.

2. А. Б., М. В. Песня А. Петрова «Трубачи». Авторство слов не установлено. Строки, приведенные Побединским, в изданном тексте отсутствуют. Публикуемый текст приведен по изд.: Петров А. Популярные мелодии из кино- и телефильмов. СПб., 2000. С. 89:

По селу бегут мальчишки,
Девки, бабы, ребятишки,
Словно стая саранчи.
В трубы дуют трубачи.
Раздаются тары-бары:
«К нам приехали гусары!
Все красавцы-усачи!»
В трубы дуют трубачи.

Слышен голос командиров:
«Размещаться по квартирам!»
Дело близится к ночи,
В трубы дуют трубачи.

В эту ноченьку немало
Баб с солдатами шептало:
«Без тебя хоть, милый, плачь,
Протруби и мне, трубач!»

А когда зарю сыграли,
Бабы слезы утирали,
И, в котомки взяв харчи,
Уходили трубачи.
Через год в каждой избенке
Народилось по мальчонке.
Глотки драли, что сычи, –
Тоже будут трубачи.

3. С. Б. Возможно, именно эта песня упомянута Н. Ф. Курчевым (От костра к микрофону. СПб., 1996. С. 18) в перечислении песен, исполнявшихся «на предновогоднем застолье» 1957 г.

4. А. Б., М. В. Первоначальный текст песни написан в 1945 г. В. Бахновым на мелодию и с использованием элементов текста «Корреспондентской застольной» К. Симонова (Песенный фольклор археологических экспедиций. С. 23-24; Антология сатиры и юмора России XX в. М., 2005. Т. 37. С. 49).

5. А. Б., М. В. Песня Н. Богословского и Б. Ласкина «Коса» / «По дороге пыльной, что легла под уклон...» («Все хорошо, прекрасная маркиза...»: песни Утесова. СПб., 1996. С. 193).

6. А. Б., М. В. Городская песня «Крутится-вертится шар голубой...» получила широкую известность после фильма «Юность Максима» (Русский романс на рубеже веков / сост. В. Мордерер и М. Петровский. Киев, 1997. С. 299, 358).

7. А. Б., М. В. Песня Е. Долматовского и М. Фрадкина «Случайный вальс» (Песни наших дней. М., 1986. С. 91).

8. А. Б., М. В. Переделка студенческой песни «Раскинулось поле по модулю пять...» (1946), автор первоначального текста В. П. Скитович (Фольклор МАТ-МЕХа за 50 лет: прил. к журн. «Третий полюс». СПб., 1996. Вып. 1. С. 6.). В основе переделки лежит песня Ф. Предтечи «Раскинулось море широко» (Песни русских по-

* БАМ – так мои милые детки называли меня – Буровский Андрей Михайлович. В эпоху строительства БАМа это и правда выглядело довольно забавно.

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

этов. Л., 1988. С. 495; Грушко Е. А., Медведев Е. М. *Энциклопедия русских песен*. М., 2002. С. 273). Опыт анализа фольклорных вариантов этой песни был предпринят А. С. Башариным (Башарин А. С. «Раскинулось поле по модулю пять...» // Уч. зап. молодых филологов. СПб., 2001. С. 188).

9. А. Б., М. В. «Ковбойская» песня пока не найдена; возможно, это локальная переделка альпинистской песни «Никогда не унывай» (<http://www.anekdot.ru/an/an9805/c980527.html>).

Нет на свете гор прекраснее Кавказа:
Между трех морей раскинулся тот край.
Если хочешь на Кавказ –
Больше дела, меньше фраз
Никогда и нигде не унывай!

Если ты на леднике в одну из трещин
Провалился – суеты не поднимай:
Через несколько минут
Или лет тебя найдут!
Никогда и нигде не унывай!

Там летал когда-то лермонтовский Демон,
Там стоят вершины Накра и Домбай.
Ты стремись всегда туда,
Остальное – ерунда!
Никогда и нигде не унывай!

Если ты летишь в глубокое ущелье
И вершины говорят тебе: «Прощай!», –
Убеждай свой организм,
Что это тоже альпинизм!
Никогда и нигде не унывай!

Если хлеба в рюкзаке уже ни крошки,
А во сне тебе приснился каравай,
Ты на этот каравай
Рот пошире разевай!
Никогда и нигде не унывай!

Если голову снесло тебе лавиной
И в походе ее нечем заменить,
Вот теперь не до утех:
Ну какой тут к черту смех!
Если хочешь – можешь малость погрузить...

10. С. Б. Приведенный Побединским текст в деталях отличается от опубликованного (ср.: «В нашу гавань...» С. 328), а также содержит последний куплет, отсутствующий в публикации.

11. А. Б., М. В. Песня М. Ножкина «На кладбище все спокойненько» (*Запрещенные песни: песенник / сост.: А. И. Железный, Л. П. Шемета, А. Т. Шершунов*. 2-е изд. М., 2004. Цит. по: <http://a-pesni.narod.ru/drugije/nakladb.htm>).

12. А. Б., М. В. Песня «Лают бешено собаки» написана в 1959 г. Г. Шпаликовым (*Строфы века: антология рус. поэзии / сост. Е. Евтушенко*. Минск; М., 1995). Цит. по: <http://www.litera.ru/stixiya/authors/shpalikov/all.html#layut-besheno-sobaki>:

Лают бешено собаки
В затухающую даль,
Я пришел к вам в черном фраке,
Элегантный, как рояль.

Расположен книзу дулом
Сквозь карман он мог стрелять,
Я все думал, думал, думал –
Убивать, не убивать?

Было холодно и мокро,
Жались тени по углам,
Проливали слезы стекла,
Как герои мелодрам.

И от сырости осенней
Дрожи я сдержать не мог,
Вы упали на колени
У моих красивых ног.

Вы сидели на диване,
Походили на портрет.
Молча я сжимал в кармане
Леденящий пистолет.

Выстрел, дым, сверкнуло пламя,
Ничего уже не жаль.
Я лежал к дверям ногами –
Элегантный, как рояль.

13. А. Б., М. В. Песня «Мадам Анжа» написана в 1950-е гг. В. Бахновым (*Антология сатиры и юмора России*. С. 70).

14. А. Б., М. В. Упоминается В. Шаламовым в «Очерках преступного мира» (Цит. по: <http://www.kolyta.ru/litera/shalatom/otcherki06.shtml>): «Романсы “Как хороша была ты, ночка голубая” или “Я помню садик и ту аллею” – не имеют специфически блатарского текста, хотя и популярны у воров».

15. А. Б., М. В. Песня «Там, где Крюков канал» («От зари до зари...», «Через тумбу, тумбу раз...») известна в российском студенческом фольклоре с 40-х гг. XIX в. (*Песенный фольклор археологических экспедиций*. С. 20-22).

С. В. Белецкий

16. См. коммент. 4.

17. **С. Б.** Сокращенный и фольклоризованный вариант т. н. «Гимна физиков», написанного на основе русской народной песни «Дубинушка». В сборнике песен, изданном МИФИ, текст песни представлен как «МИФИ-ческое переложение русской народной песни» («...Но мы еще не старики, мы инженеры-физики». С. 24-25). Более распространенная версия песни, лишенная «МИФИческих» аллюзий, по тексту соотносится с физфаком (МГУ?) (ср.: «Кто в МИФИ к нам попал / Тот грустить перестал / Ведь в МИФИ нам не жизнь а малина...» и «Тот, кто физиком стал / Тот грустить перестал / На физфаке не жизнь а малина...»). Некоторая «натужность» рифм в варианте МИФИ позволяет предположить, что вариант физфака первичен, а вариант МИФИ является его переделкой.

18. **А. Б., М. В.** Переделка песни «Гоп со смыком», известной в многочисленных, различающихся между собой вариантах (напр.: Уличные песни / сост. А. Добряков. М., 1997. С. 52-53; «Все хорошо, прекрасная маркиза»: песни Утесова. СПб., 1996. С. 12; «Споём, жиган»: антология блатной песни / авт.-сост. М. Шелег. СПб., 1995. С. 98-100). Ниже приводится вариант из репертуара Л. Утесова:

Жил-был на Подоле Гоп со смыком.
Славился своим басистым криком.
Глотка была прездорова,
И мычал он, как корова,
А врагов имел мильен со смыком.

В раю я на работу тоже выйду,
Возьму я бунку, шпайер, видру.
Деньги нужны до зарезу –
И к Богу в гардероб залезу,
И его намного не обижу.

Гоп со смыком – это буду я.
Вы, друзья, послушайте меня.
Ремеслом я выбрал кражу,
Из тюрьмы я не вылажу,
Исправдом тоскует без меня.

Бог пускай карманы там не греет,
Что возьму, пускай не пожалеет,
Слитки золота, караты,
На стене висят халаты –
Дай нам Бог иметь, что Бог имеет.

Ой, если дело выйдет очень скверно
И меня убьют, тогда, наверно,
В рай же воры попадают
Пусть кто честный, те все знают:
Нас там через черный ход пускают.

Иуда Скарриотский там живет,
Скрягой меж святыми он слывет.
Ой, подлец тогда я буду –
Покалечу я Иуду.
Знаю, где червонцы он кладет.

С. Б. Устная традиция связывает песню-переделку с историческим факультетом ЛГУ начала 1950-х гг. В 1970-е гг. на студенческих археологических конференциях в Могилеве, Петрозаводске и Москве эта песня пелась с иным порядком куплетов и текстом, отличающимся от текста, приведенного Крыласовой:

Мы историки-рецидивисты,
Все мы трепачи и карьеристы,
В деканат имеем веру,
Критикуем только в меру
Делаем научную карьеру.

Как их книжки прочитаешь –
Ум за разом загибаешь,
Ни черта ты в них не понимаешь.

Бей профессоров, они гадюки:
Нам очки втирали про науки,
Про Солоновы законы,
Пирамиды фараонов...
Боже мой, помрешь от этой скуки.

Как писать диплом давно известно –
В нем словам простор, а мыслям тесно,
Лей водичку, сыпь цитаты,
Прикрывайся аппаратом
И диплом получится отличный.

Грекова с Мавродиным (вариант – Клейна и Мавродина) читали,
Этих трепачей давно мы знали.

Мы историки-рецидивисты,
Все мы трепачи и карьеристы,
В деканат имеем веру,
Критикуем только в меру
Делаем научную карьеру.

В третьем куплете упоминаются: глава советской исторической науки (1940 – начало 1950-х гг.), автор хрестоматийной монографии «Киевская Русь» академик Б. А. Греков; заведующий кафедрой истории СССР, декан исторического факультета ЛГУ доктор исторических наук, профессор В. В. Мавродин; доктор исторических наук, профессор (в 1960 – 1970-е гг. – ассистент кафедры археологии исторического факультета) Л. С. Клейн.

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

19. С. Б. «Гимн историков ПГУ» представляет собой переделку песни В. Высоцкого «Утренняя гимнастика» (Высоцкий В. Поэзия и проза. М., 1989. С. 107-108).

20. См. коммент. 8. С. Б. Песня «Раскинулось поле по модулю пять...» послужила основой для многочисленных переделок. Так, во второй половине 1960-х гг. в ленинградской школе № 204, где я тогда учился, пели подобную переделку, от которой я запомнил только начало: «Раскинулся класс наш почти что пустой, / На партах битлов (Sic!) рисовали...».

21. А. Б., М. В. О понятиях «песни питейного цикла» и «песни исторического цикла» см.: Вениг М. В. Песенный репертуар археологических экспедиций // Песенный фольклор археологических экспедиций. С. 68-69.

22. С. Б. О. Н. Бадер (1903–1979) – сотрудник ИА АН СССР, доктор исторических наук, профессор. В 1946–1955 гг. преподавал в ПГУ.

23. С. Б. Песня «В деканат пришла петиция» широко по экспедициям, как будто бы, не пошла. Правда, в 1970-е гг. она бытовала, судя по воспоминаниям В. А. Бурова, в Смоленской археологической экспедиции кафедры археологии МГУ (Буров В. А. Лето в Новгороде. М., 1994. С. 7). Однако эту песню определенно не пели в большинстве ленинградских экспедиций, работавших на Северо-Западе.

24. А. Б., М. В. Песня «Устуйцы», вероятнее всего, представляет собой, подтекстовку народной песни «В низенькой светелке...» (Энциклопедия русских песен. М., 2002. С. 9).

С. Б. В тексте песни упомянут доктор исторических наук, профессор В. Ф. Генинг (1924–1993). В 1947–1952 гг. он учился в ПГУ, с 1954 г. возглавлял Удмуртскую археологическую экспедицию. В 1960–1974 гг. Генинг преподавал в Уральском государственном университете и возглавлял Уральскую археологическую экспедицию, проводившую масштабные исследования памятников археологии на территории Челябинской, Курганской, Тюменской и Омской областей. В 1974 г., после защиты докторской диссертации, Генинг переехал в Киев, где стал заместителем директора ИА АН Украины и создал отдел теории и методики археологии.

25. См. коммент. 5 Приложения 1.

С. Б. Приведенный Крыласовой текст песни «Моя дорогая не блещет красою» в деталях отличается от опубликованного («В нашу гавань...». С. 336).

26. А. Б., М. В. Текст «Песни о пятой точке»/«На свете можно прожить без сердца...» см.: <http://tropa.dp.ua/extreme/outdoor/single.html>.

27. С. Б. Могильник у д. Конец (Слободской р-н, Кировская обл.) датируется второй половиной I тысячелетия н. э. (Стефанова И. И. Концовский могильник // Археологические открытия 1973 г. М., 1974. С. 176).

28. С. Б. Определение «общеэкспедиционные», на мой взгляд, не совсем точное. Судя по приведенным примерам, речь идет о песнях бардов, которые, безусловно, составляют на экспедиционных «посиделках у костра» заметное место, но, все-таки, специфически экспедиционным фольклором не являются. В равной (если не в большей) степени эти песни можно считать, например, «туристическими» или «студенческими». О месте песен бардов в экспедиционном фольклоре подробно писала М. Вениг (Вениг М. В. Песенный репертуар археологических экспедиций / Песенный фольклор археологических экспедиций. С. 64-70).

29. См. коммент. 25 Приложения 1.

30. С. Б. Имеется в виду не «Мокрый вальс» Е. Клячкина (Песни у ночного костра. М., 1996. С. 150), а «Вальс в ритме дождя» Н. Лисицы (Муза мандрів: турист. пісні. Київ, 1971. Вип. 2. С. 138-141; Шагай с нами рядом: турист. песенник. М., 1972. С. 71-73). Авторство Н. Лисицы отмечено также в ряде рукописных сборников. В некоторых изданиях (напр.: Песни у ночного костра. С. 306) эта песня публикуется с оговоркой: «Авторство музыки и стихов не установлено».

31. С. Б. Имеется в виду «Песня про погонщика мула» / «Ах, как долго едем» Н. Матвеевой (Как надежна земля: песенник / сост. Д. Соколов. М., 1969. С. 115-118; Антология бардовской песни. М., 2005. С. 583-584).

32. С. Б. Судя по приведенной цитате, имеется в виду не городская песня «Крутится-вертится шар голубой...» (см. коммент. 6), а «Глобус» М. Львовского и

С. В. Белецкий

М. Светлова («Я не знаю, где встретиться / Нам придется с тобой...», является авторской переделкой довоенной песни М. Светлова «За зеленым заборчиком»), либо, что вероятнее, написанный на его основе «Гимн археологов» (см. коммент. 1 Приложения 3).

33. С. Б. Эту песню иногда называют по первой строке «В эпоху войн, в эпоху кризисов» («...Но мы еще не старики, мы инженеры физики». С. 76-77).

34. А. Б., М. В. Немецкая *Burschenslied*, создание которой датируют 1745 г., а автором назван *Crestentius Koromandel* (*Friedlaender M. Das Deutsche Lied im 18. Jahrhundert. Quellen und Studien. Bd. 2. Dichtung. Hildeshelm, 1962; Erk L., Irmer W. Die Deutschen Volkslieder mit ihren Singweisen. Bd. 2. Hildeshelm; Zürich; New York, 1982*). В песенный фольклор России вольный перевод этой песни вошел не позднее рубежа XVIII–XIX вв. В сборнике «Песни, бывшие наиболее в ходу между студентами Харьковского университета в 1840 году... Собрал и издал студент того времени Вл. Александров» (Харьков, 1891. С. 32-33) приведен следующий текст:

Крамбамбули отцов наследство,
Питье любимое у нас,
И утешительное средство,
Когда взгрустнется нам подчас.

Тогда мы все: лю-ли, лю-ли!
Готовы пить крамбамбули –

Крамбам-бим-бамбули: крамбам-бу-ли!

Когда случится мне заехать
На грязный постоялый двор,
То, прежде, чем сажусь обедать,
На рюмки обращаю я взор.

Тогда хоть черт все побери,
Когда я пью крамбамбули...

Когда б родился я на троне
И грозных турок побеждал,
То на брильянтовой короне
Такой девиз бы начертал:
Tojour contant et sans sausi
Lorsque je prend crambambouli,
Крамбам-бим-бамбули: крамбам-бу-ли!

Ниже приводится текст по списку из рукописного сборника В. И. Мордвинцевой, составленного в 1986–1987 гг. (дополнялся до начала 1990-х гг.) в экспедициях Волгоградского университета (Песенный фольклор археологических экспедиций. С. 16-18, 81-82):

Крамбамбули, отцов наследство,
Вино любимое у нас.
И удивительное средство
Когда взгрустнется нам подчас.
И напевая ай-люли,
Стаканом пьем крамбамбули –
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули.
За то монахи в рай пошли,
Что пили все крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули.

Когда придется мне заехать
На старый постоялый двор,
То прежде, чем сажусь обедать,
Я на вино бросаю взор.

И, напевая ай-люли,
Стаканом пью крамбамбули...

Когда бы я сидел на троне
И целым миром управлял,
То на золотой своей короне
Такой девиз бы начертал:
За милых женщин, черт возьми,
Стаканом пьем крамбамбули...

Когда мне изменяет дева,
Недолго я о том грущу.
В порыве яростного гнева
Я пробку в потолок пушу.
И напевая ай-люли,
Я буду пить крамбамбули...

35. С. Б. Чаше эту песню называют по первой строке «Нам говорят, что мы неправильно живем» (Песенный фольклор археологических экспедиций. С. 24-25):

Нам говорят, что мы неправильно живем,
Тоска зеленая над нами крылья свесила.
А мы бокалы наливаем и поем,
Ах, как нам весело, ах, как нам весело!

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

День ото дня и год от года пьем вино.
День ото дня седеют наши головы.
А мы бокалы наливаем и поем,
Ах, как мы молоды, ах, как мы молоды!

День ото дня и год от года водку пьем.
Над нами правил всяких до черта поставили.
А мы бокалы наливаем и поем,
В гробу видали мы, в гробу видали мы!

И вот опять навеселе домой идем,
И все прохожие глядят на нас участливо.
А мы бокалы наливаем и поем,
Ах, как мы счастливы, ах, как мы счастливы!

Пусть говорят, что мы неправильно живем,
Тоска зеленая над нами крылья свесила.
А мы бокалы наливаем и поем,
Ах, как нам весело, ах, как нам весело!

Широкого распространения в археологических экспедициях эта песня, как будто бы, не получила.

36. А. Б., М. В. Чаше эту песню называют по первой строке припева «Дай на маленькую...». Вероятнее всего, она является подтекстовкой на мелодию «Песенки Раджа» («Я люблю тебя одну, / Сердце гордое в плену, / Я и плачу и пою / Сам себя не узнаю») из кинофильма Р. Капура «Бродяга» (Песенный фольклор археологических экспедиций. С. 25-27, 113-115).

С. Б. В Изборской экспедиции ИА АН СССР в 1980-е гг. эта песня бытовала в следующем виде (Песенный фольклор археологических экспедиций. С. 113-115):

Заалеет восток.
Магазин недалеко. (вариант: В магазин
путь далек).
Пойдем в магазин –
На троих сообразим.
 Дай на маленькую,
 Дай на маленькую,
 На большую не прошу –
 Дай на маленькую!

Мы не бары, мы не паны –
Не нужны нам рестораны:
В подворотню скоком-скоком
И запьем томатным соком
 Дай на маленькую...

Сердце ек-ек-ек –
Впереди пивной ларек,
А за ним, за углом –
Наш любимый гастроном
 Дай на маленькую...

У тебя рублевка есть,
У меня рублевка есть,
Нам еще б одну рублевку –
Мы б купили поллитровку¹.
 Дай на маленькую...

У тебя троячок,
У меня троячок,
Нам еще бы троячок
На лимон и коньячок².
 Дай на маленькую...

У тебя пять рублей,
У меня пять рублей,
Нам еще бы пять рублей –
Жить бы стало веселей.
 Дай на маленькую...

У тебя червончик есть,
У меня червончик есть,
Нам еще б одну десятку –
Мы пустились бы в присядку.
 Дай на маленькую...

У тебя сто рублей,
У меня сто рублей,
Нам еще бы сто рублей,
Чтоб нажраться до соплей.
 Дай на маленькую...

У тебя тыщенки три,
У меня тыщенки три,
Нам еще бы тыщи три –
Мы б пропили Жигули.
 Дай на маленькую...

¹ После денежной реформы 1961 г. пол-литровая бутылка «Московской водки» стоила 2 р. 87 к., а «Столичной» – 3 р. 07 к. Понятия «рублевка», «по рублю», «по рыжему» (цвет рублевой купюры), «по рваному» в 1960-е и 1970-е гг. вошли в активный фольклор (анекдоты) и, фактически, стали нарицательными.

² В 1970-е гг. пол-литровая бутылка коньяка «Три звездочки» стоила 8 р. 12 к., причем 12 к. являлись залоговой стоимостью бутылки. Коньяк «Четыре звездочки» стоил 9 р., а коньяк «Пять звездочек» – 10 р. Лимоны в те годы были единственными цитрусовыми, продававшимися поштучно, а не на вес; цена одного лимона была 50 к., позднее – 1 р.

С. В. Белецкий

У тебя миллион,
У меня миллион,
Нам еще бы миллион –
Мы б пропили стадион.
Дай на маленькую...

Мы не будем больше пить –
Будем денежки копить,
А накопим рублей пять –
Набодаемся опять.
Дай на маленькую...

В вырезвитель мы попали,
По червонцу с нас содрали,
А я плачу и пою:
«Дай на маленькую!»
Дай на маленькую...

У тебя копейки нет,
У меня копейки нет,
Нам найти б одну копейку –
Мы б купили коробок.
Дай на маленькую...

Полностью, впрочем, песня пелась далеко не всегда, а порядок куплетов варьировался. Куплет про «тыщенки три» появился, кажется, после повышения цен на автомобиль «Жигули», а куплет про «миллион» – в год проведения московских Олимпийских игр (1980). В некоторых ленинградских экспедициях 1980 – начала 1990-х гг. пели еще один куплет: «У тебя миллиард, / У меня миллиард. / Нам еще бы миллиард – / Мы б споили Ленинград»; за сведения об этом куплете благодарю сотрудника ИИМК С. Н. Лисицына.

37. С. Б. Имеется в виду песня «Там, где Крюков канал» (см. коммент. 15).

38. А. Б., М. В. Фрагменты «Студенческой» песни (см. коммент. 4) «слеплены» с фрагментами песни «По рюмочке, по маленькой» (см. коммент. 27 Приложения 1).

39. С. Б. Песня «Там, за Танаис-рекой...» / «Скифская баллада» / «Скифы» написана в начале 1960-х гг. на основе старой казачьей песни «Там, за Доном, за рекой» студентом кафедры археологии исторического факультета МГУ Ю. М. Десятчиковым при участии однокурсников – А. А. Кривоноса, И. К. Фролова и А. И. Шкурко (Песенный фольклор археологических экспедиций. С. 44-48). Публикуемый ниже авторский текст «Скифской баллады» был записан под диктовку Десятчикова, а впоследствии выверен им по машинописи (Песенный фольклор археологических экспедиций. С. 116-117):

За Танаисом рекой
Скифы пьют-гуляют.
Потерял эллин покой –
Скифы пьют-гуляют.

Царь Атей отдал приказ
Утопить их в море,
И сколоты в тот же час
Собрались в поле.

Акинаков перезвон
Слышен в скифском стане,
И марают свой хитон
Греки-боспоряне.

Скоро скифы-степняки
Разлетятся роём,
И насытятся клинки
Греческою кровью.

Под копытами коня
Вьется пыль степная.
Льется песня степняка,
Песня удалая.

Я люблю кровавый бой
И врага вкус крови.
Скифской лавы дикий вой
Лучше всех мелодий.

Пряный запах чабреца,
Горький вкус полыни,
Укрощенье жеребца
На степной равнине.

Даль степная широка –
Все Причерноморье.
Повстречаю грека я
Во широком поле.

Акинаком рубану
По спесивой роже,
А потом коня возьму –
Конь всего дороже.

Голову б его отдал
Я царю Атею,
И из рук царя бокал
Выпил б за трофею.

Кровью эллина смочу
Древний меч Ареса
И двуконный поскачу
К стенам Херсонеса.

Херсонеса кулаки
Все сидят по клерам,
Поставляют пауки
Книдскую мадеру.

Лихо въеду в Херсонес,
Там продам гнедого,
А потом в кабак б залез
Выпил б там хмельного.

Пил б хмельное не спеша,
Устали не зная,
Чтобы слилася душа
С боженкой Папаем.

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Выпил б книдского вина
Не смешав с водою,
И гулял бы до темна
С гетерой молодю.

Пока зори не взошли
Возвращусь в кочевья.
Накурюсь я конопли
До умопомраченья.

Утром баню истоплю,
Выбью дух пиндосов
И от кайфа завоплю
Как Сократ-философ.

Жизнь сколота коротка –
Все пиры да битвы.
Была бы чаша глубока,
Да мечи как бритвы.

Мой товарищ, акинак,
Конь да лук с колчаном,

Пропадешь ты как дурак,
Коль не будешь пьяным.

Пьяных боги берегут –
Истина святая.
Видно боги с нами пьют,
Только мы не знаем.

Жизнь – с деньгами кошелек:
Трать, не знай раскаянья,
И лети как мотылек
На огонь желанья.

Пей, гуляй, пока живешь
И резвись до пьяна –
Все равно конец найдешь
Во степном бурьяне.

Даль степная широка –
Без конца и края,
Льется песня степняка,
Льется, затихая...

40. С. Б. Имеется в виду песня «Тайга» А. Дулова на стихи И. Жданова (Песни у ночного костра. С. 111).

41. А. Б., М. В. Песня «Черт побери!» широко известна в археологических экспедициях на территории всего постсоветского пространства. Приведенный ниже текст бытовал в Псковской областной экспедиции ИИМК в 1998–2000 гг. (Песенный фольклор археологических экспедиций. С. 48–50):

Черт побери!
Как выпить хочется, братцы!
Не пора ли нам вместе собраться,
Опрокинуть стаканчик-другой –
В пивной!

При фитиле
Керосиновой лампы
Все сидим мы и думаем, как бы
Опрокинуть стаканчик-другой –
В пивной!

Лазали мы,
Где не лазали черти.
Ах, как хочется, братцы, поверьте,
Опрокинуть стаканчик-другой –
В пивной!

Нам из ручья
Никогда не напиться.
Не пора ли нам вместе сложиться –
Опрокинуть стаканчик-другой –
В пивной!

Лазали мы
По сугробам на лыжах.
С каждым шагом все ближе и ближе
Приближалось свиданье с тобой –
В пивной!

Грипп и склероз –
Это все от кефира.
Не пора ли собраться всем миром,
Опрокинуть стаканчик-другой –
В пивной!

Здесь вам раскоп,
А не в парке гулянье!
Так оставьте все ваши желанья
Опрокинув стаканчик-другой –
В пивной!

Вот, кончим раскоп
Без единого трупа,
Вот тогда соберемся всей группой,
Опрокинем стаканчик-другой –
В пивной!

Выпьем за тех,
Кого нет уже с нами,
Кто лежит под большими столами,
Опрокинув стаканчик-другой –
В пивной!

И, все-таки, черт побери,
Как выпить хочется, братцы!
И не выпить, а просто нажраться!
Опрокинуть стаканчик-другой –
В пивной.

42. С. Б. Открытый лист – документ, выдаваемый Отделом полевых исследований ИА РАН на право производства археологических работ на территории Российской Федерации. Открытые листы различаются между собой по объему полномочий: форма 1 (высшая) – на право производства любых археологических работ; форма 2 – на право производства археологических разведок, включая ограниченные земляные работы (небольшие раскопы или шурфы); форма 3 – на право про-

С. В. Белецкий

изводства археологических разведок без проведения земляных работ; форма 4 – на право производства спасательных (охранных) археологических раскопок на памятниках, подвергающихся разрушению. Для получения соискателем Открытого листа впервые требуется рекомендация археолога-профессионала, в экспедициях которого работал соискатель. В дальнейшем Открытые листы выдаются только после утверждения отчета о работах, проведенных по ранее выданному Открытому листу. Проведение каких бы то ни было археологических работ без Открытого листа запрещено.

43. С. Б. «Песня студентов-археологов» В. Высоцкого написана в 1964 г. (Высоцкий В. Поэзия и проза. С. 45-46). В большинстве известных мне археологических экспедиций эта песня воспринималась как «чужая» и в репертуаре «посиделок у костра» отсутствовала.

44. А. Б., М. В. Встречаются указания на то, что эта песня – перевод из Киплинга, сделанный Е. Аграновичем (<http://lib.baikal.net/koi.cgi/KSP/unknown.txt>). Однако достоверных сведений об этом найти пока не удалось.

Приложение 3

«По Абаниным следам. Опыт комплексного фольклорно-археологического научно-практического исследования. Юбилею Абрама Давидовича Столяра посвящается»¹

Пролог

Хор:

Вот сдадим все экзамены,
И с души упадет
Век железный, век каменный
И по бронзе зачет.
И тогда открыты все дороги,
По которым проходили ноги
Лошадиные и человечьи,
До свидания, до новой встречи!

Нам придется с рулеткою,
С нивелиром дружить,
Нам придется разведкою
По полям проходить,
Чтоб история на фактах крепла,
Чтоб вставали из руин и пепла
Города, сожженные врагами,
Погребенные в земле веками.

А этнографы бросаются
Собирать все подряд.

Их ботинки изнаются,
А носы обгорят.
Они будут рисовать узоры,
Они будут собирать фольклоры,
Они будут портить аппараты,
Заснимая города и хаты.

Тот, кто был в экспедиции,
Тот поет этот гимн,
И его по традиции
Мы считаем своим,
Потому что мы народ бродячий,
Потому что нам нельзя иначе,
Потому что нам нельзя без песен,
Потому что мир без песен тесен.

Потому что мы народ бродячий,
Потому что нам нельзя иначе,
Потому что нам нельзя без песен,
Чтобы в сердце не закралась плесень [1].

Ведущий 1: «По Абаниным следам». Опыт комплексного фольклорно-археологического научно-практического исследования. Юбилею Абрама Давидовича Столяра посвящается.

Ведущий 2: Проблема «Столяр и песенный фольклор археологов» – это не просто научная проблема. Это – песня, как и все, что делает Столяр.

Ведущий 1: Столяр – археолог. А непоющих археологов не бывает. Поют все. Причем, особенно охотно поют те, у кого нет ни голоса, ни слуха. Но у Столяра есть

¹ Сценарий публикуемого песенного концерта написан в 2001 г. А. С. Башариным, Е. В. Беляевой и С. В. Белецким. Концерт был дан во время застолья, посвященного 80-летию доктора исторических наук, профессора СПбГУ Абрама Давидовича Столяра. Название сценария – перифраз названия монографии А. Д. Столяра, написанной в соавторстве с Я. В. Доманским (Столяр А. Д., Доманский Я. В. По бесовым следам. Л., 1962). «Абаня» – уменьшительное от Абрам: так называют А. Д. Столяра не только ровесники и близкие друзья, но (за глаза) также студенты и коллеги самого разного возраста (сам Столяр об этом хорошо знает и не обижается). Надо, впрочем, оговорить, что во время концерта исполнители (группа студентов истфака СПбГУ при участии авторов сценария) строго не придерживались публикуемого текста. Большинство песен пелось при активном участии присутствующих на юбилейном застолье коллег, друзей и учеников А. Д. Столяра, а песню «Он был кавалер импозанто...» исполнил соло, к общему удовольствию, сам юбиляр.

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

и слух и голос: шорох шпаргалки он слышит даже в соседней аудитории, а когда он поет, никому покемарить не удастся – ни студентам, ни членам Ученого совета.

Ведущий 2: После сказанного взаимосвязь понятий «Столяр» и «песенный фольклор» можно считать доказанной.

Ведущий 1: Приступая к изучению проблемы «Столяр и песенный фольклор археологов», наш исследовательский коллектив столкнулся с типичной как для археологии, так и для фольклористики проблемой – избытком источников при недостаточной репрезентативности исследовательского коллектива. Для более полного раскрытия темы мы обращаемся за поддержкой к присутствующим. Попросту говоря – пойте с нами. Без вашего непосредственного участия, уважаемые коллеги, полнота аргументации и чистота эксперимента не гарантируются.

Часть 1

Ведущий 2: Итак, «По Абаниным следам». Часть первая: «Достоляровский период».

Хор:

Коперник целый век трудился,
Чтоб доказать Земли вращенье.
Дурак, он лучше бы напился,
Тогда бы не было сомненья.
По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей,
По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей!
– А я не пью! – Врешь – пьешь!
– Ей-богу, нет! – А бога нет!
Так наливай студент студентке!
Студентки тоже пьют вино,
Непьющие студентки редки –
Они все вымерли давно.

Колумб Америку открыл,
Страну для нас совсем чужую.
Дурак! Он лучше бы открыл
На Менделеевской пивную!
По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей...

Чарльз Дарвин целый век трудился,
Чтоб доказать происхождение.
Дурак, он лучше бы женился,
Тогда бы не было б сомненья.
По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей...

А Менделеев целый век трудился,
Чтоб элементы вставить в клетки.
Дурак! Он лучше б научился
Гнать самогон из табуретки.
По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей...[2]

Ведущий 1: В прозвучавшем источнике упомянута важнейшая реалия, связанная с деятельностью Столяра – Менделеевская линия. Совпадение вряд ли случайное. Рискнем высказать предположение: появление Столяра на Менделеевской, 5 [3] было предопределено по крайней мере за сто лет до того, как Столяр впервые прошел по Менделеевской линии.

Ведущий 2: Косвенным подтверждением высказанной гипотезы служит еще один источник.

Хор:

Там, где Крюков канал и Фонтанка-река,
Словно брат и сестра, обнимаются,
Там студенты живут, они песни поют
И еще кое-чем занимаются –
Через тумбу-тумбу-раз, через тумбу-тумбу-два,
Через тумбу-три-четыре спотыкаются.

А Исакий святой с колокольни большой
На студентов глядит, ухмыляется –

С. В. Белецкий

Он и сам бы не прочь погулять с ними ночь,
Но на старости лет не решается.
Через тумбу-тумбу-раз...

Но соблазн был велик, и решился старик –
С колокольни своей он спускается.
Он и песни поет, он и горькую пьет
И еще кое-чем занимается –
Через тумбу-тумбу-раз...

А святой Гавриил в небеса доложил,
Чем Исакий святой занимается,
Что он горькую пьет, черту душу продает
И еще кое-чем занимается –
Через тумбу-тумбу-раз...

В небесах был совет, и издал Бог завет,
Что Исакий святой отлучается,
Мол, он горькую пьет, черту душу продает
И еще кое-чем занимается –
Через тумбу-тумбу-раз...

На земле ж был совет и решил факультет,
Что Исакий святой зачисляется:
Он и горькую пьет, он и песни поет
И еще кое-чем занимается –
Через тумбу-тумбу-раз...

А святой Гавриил по рогам получил
И с тех пор доносить не решается.
Он сам горькую пьет, черту душу продает
И еще кое-чем занимается –
Через тумбу-тумбу-раз... [4]

Ведущий 2: Нетрудно заметить, что в этом источнике последовательно упомянуты важнейшие микротопонимы Петербурга – Крюков канал, Фонтанка-река, Исакий святой – тот самый маршрут, которым студент, позднее ассистент, доцент и, наконец, профессор Столяр неоднократно шел на Менделеевскую.

Ведущий 1: Подтверждает высказанное предположение и то, что в одном из куплетов упомянуты *рога*: «А святой Гавриил по рогам получил...». Рога и клыки – важнейшие признаки скота, в том числе – домашнего скота, то есть – одомашненного. Клыки вепря были предметом специального внимания Столяра полвека назад, когда молодой (тогда) исследователь завершал фундаментальное исследование проблемы *скотства* – точнее, *свинства* – в эпоху мезолита [5]. Очевидна опосредованная передача источником информации: *рога* подставлены на место *клыков*. Подобная подстановка, по мнению некоторых исследователей, является одним из способов скрытой передачи информации, так что вероятность верного истолкования источника весьма высока.

Ведущий 2: Кстати, нельзя ли считать намеком на процесс одомашнивания свиньи подробную информацию источника о «свинском» поведении одного из персонажей. Этот интереснейший вопрос требует дополнительных изысканий, и мы оставляем его открытым.

Часть 2

Ведущий 1: «По Абаниным следам». Часть вторая: «Раннестольяровский период».

Ведущий 2: Начало активной деятельности Столяра фиксирует интереснейший фольклорный источник. Реалии, отмеченные в нем, настолько узнаваемы, что не требуют комментария.

Хор:

В трудные минуты Бог создал институты,
Адам его студентом первым был.
Адам был парень смелый, ухаживал за Евой,
И Бог его стипендии лишил.

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

У Адама драма – вызвали Адама
На проверку в божий деканат.
И на землю прямо выгнали Адама,
Так пошли, пошли студенты, говорят.

От Евы и Адама пошел народ упрямый,
Нигде не унывающий народ.
Студент бывает весел от сессии до сессии,
А сессия всего два раза в год.

Весь день мы прогуляли, всю ночь мы проболтали
И к утру не знали ни бум-бум.
Так выпьем за гуляющих, за ничего не знающих,
За сессию сдающих наобум.

А есть, представьте, люди, которые нас судят.
Ну что за несознательный народ!
С наше поучите, с наше позубрите,
С наше походите на зачет [6].

Ведущий 1: Столяру повезло: он учился у великих – Равдоникас [7], Артамонов [8], Гайдукевич [9], Каргер [10]... Каждый из них рассказывал о своем, каждый учил своему, каждый тянул в свою сторону. Молодому специалисту приходилось разрываться на части: куда податься, чем заниматься, «делать жизнь с кого».

Хор:

Пусть я погиб под Ахероном
И кровь моя досталась псам –
Орел 6-го легиона,
Орел 6-го легиона
Все так же рвется к небесам.
Орел 6-го легиона,
Орел 6-го легиона
Все так же рвется к небесам.

Все так же быстр он и беспечен
И, как всегда, неустрашим.
Пусть век солдат так быстротечен,
Пусть век солдат так быстротечен,
Но вечен Рим, но вечен Рим.
Пусть век солдат так быстротечен,
Пусть век солдат так быстротечен,
Но вечен Рим, но вечен Рим.

Пот, кровь, мозоли нам не в тягость
На раны плюй – не до того!
Пусть даст приказ Тиберий Август,
Пусть даст приказ Тиберий Август –
Мы с честью выполним его.
Отдал приказ Тиберий Август,
Отдал приказ Тиберий Август –
Умри, но выполни его!

Под палестинским знойным небом
В сирийских шумных городах
Калиг солдатских топот мерный,
Калиг солдатских топот мерный
Заставит дрогнуть дух врага.
Предупреждением "Quos ego!"
Предупреждением "Quos ego!"
Заставим дрогнуть дух врага.

Сожжен в песках Ершалаима,
В водах Евфрата закален,
В честь императора и Рима,
В честь императора и Рима
Шестой шагает легион.
В честь императора и Рима,
В честь императора и Рима
Шестой шагает легион.

Пусть я давно за Ахероном
И кровь моя досталась псам
Орел 6-го легиона,
Орел 6-го легиона
Все так же рвется к небесам.
Орел 6-го легиона,
Орел 6-го легиона
Все так же рвется к небесам [11].

Ведущий 2: В этом интереснейшем источнике отразились впечатления от лекций профессоров Ковалева [12] и Гайдукевича. Разумеется – отразились опосредованно, поскольку появление источника относится только к 70-м годам XX в. Но это тем более примечательно – сила воздействия ведущих античников Истфака на Столяра оказалась столь велика, что отголоски ее фольклоризовались через несколько десятилетий.

Хор:

Там, за Танаис-рекой, за рекой,
Скифы пьют-гуляют,
Потерял грек покой, да грек покой!
Скифы пьют-гуляют.

Даль степная широка, широка
Все Причерноморье.

Повстречаю грека я – да, грека я!
Во широком поле.

Акинаком исколю, исколю
Всю античну рожу,
А потом коня возьму, коня возьму
Конь всего дороже.

С. В. Белецкий

Лихо въеду в Херсонес, в Херсонес
Там продам гнедого,
А потом в кабак залез, в кабак залез – бы!
Взял себе хмельного.

Выпью квидского вина, – да, вина!
Не смешав с водою,
И гулял бы дотемна, – ой, до темна!
С гетерой молодюю.

Мой товарищ, акинак, акинак,
Конь да лук с колчаном,
Пропадешь ты как дурак, – совсем дурак!
Коль не будешь пьяным.

Пьяных боги берегут, берегут,
Истина святая.
Видно боги с нами пьют, с нами пьют,
Только мы не знаем.

Пей, гуляй, пока живешь, пока живешь,
Веселись по пьяни,
Все равно конец найдешь
Во степном бурьяне.

Даль степная широка, широка
Без конца и края,
Льется песня степняка, – да, степняка!
Льется, затихая... [13]

Ведущий 1: В этом источнике зафиксированы впечатления от лекций профессора Артамонова. И это подтверждает гипотезу о силе воздействия Истфака на Столяра. Таким образом, есть серьезные основания перевести гипотезу в разряд строго установленных научных фактов.

Хор:

Я потомок хана Мамая,
Подо мной гарцует конь.
Сколько душ загубил не знаю –
Азиатский в груди огонь.

На востоке заря займется
Как один встрепенется рать.
Много стран, я не знаю, сколько,
Мне придется еще покорять.

Мне письмо от русского князя.
Обратился ко мне на «ты»!
Расотпал я его по грязи
Под ликующий вой орды.

Но в груди встрепенется демон,
Звон клинков, звериный оскал.
Ятаганом удар по шлему –
Впереди за рекой Москва.

Но часы минутами стали
В суматохе кровавых дел.
С оперенной стрелой в гортани
Я лежу меж кровавых тел.

А ведь жизнь казалась вечной!
Гарцевал подо мною конь,
А в груди моей азиатской
Азиатский горел огонь [14].

Ведущий 1: Из этого источника следует, что лекции по русской истории Столяр слушал у профессора Мавродина [15]. Безусловно, проблемы средневековой российской истории произвели на молодого Столяра сильное впечатление.

Ведущий 2: Но славяно-русская археология делом жизни Столяра не стала.

Хор:

Эта картина довольно проста,
Это Иванов, «Явление Христа».
Это – Христос, ну, а это – народ,
Сзади, как видите, речка течет.
Искусствовед, искусствовед,
В массы несет просвещения свет.

Эта картина – Грозный Иван,
А вот его сын, он умирает от ран.
Сына Иван погубил своего –
Гневно давайте осудим его!
Искусствовед, искусствовед,
В массы несет просвещения свет.

Это – Кандинский, абстрактная вещь,
Черт знает что намалевано здесь.
Здесь непонятно нам ничего –
Гневно давайте осудим его!
Искусствовед, искусствовед,
В массы несет просвещения свет.

А начиная вот с этой стены,
Дальше – искусство советской страны.
Здесь не какой-нибудь вам модернизм,
Зрелый, здоровый соцреализм!
Искусствовед, искусствовед,
В массы несет просвещения бред [16].

Ведущий 2: Источник весьма информативный – мы без труда узнаем в нем сильное воздействие на Столяра лекций профессора Каргера.

Ведущий 1: Влияние лекций Каргера наложило на первый археологический опыт – экспедиция на Олений остров [17]. Все это, вместе с впечатлениями от лекций профессоров Равдоникаса и Бибикова [18], Окладникова [19] и Замятнина [20], и сформировало те основные научные интересы Столяра, которые стали главной темой его научных поисков и позволили путем первооткрывателя пройти «По бесовым следам».

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Вспомни мезозойскую культуру:
У костра сидели мы с тобой,
Ты мою изодранную шкуру
Зашивала каменной иглой.
Я сидел, небритый и невытый,
Нечленораздельно напевал.
В этот день топор из диорита
Я на хобот мамонта сменял.
Жрать захочешь – приди,
и в пещеру войди.
Хобот мамонта вместе сжужем.
Наши зубы остры,
Не погаснут костры,
Эту ночь проведем мы вдвоем.

В дымной сталактитовой пещере,
Где со стенок капала вода,
Анекдот времен архейской эры
Я тебе рассказывал тогда.
Ты иглой орудовала рьяно,
Не сводя с меня мохнатых век.
Ты была уже не обезьяна,

Хор:

Но, увы, еще не человек.
Жрать захочешь – приди...

Помнишь питекантропа соседа,
И как ловко он тебя отбил
Тем, что ежедневно для обеда
Кости динозавра приносил.
Ты любила есть сырое мясо
И лакать бизонье молоко.
Ты меня ругала лоботрясом,
Если не принес я ничего.
Жрать захочешь – приди...

До сих пор я часто вспоминаю
Темный вечер высоко в горах,
Где тебя сырую доедая,
Плакал я, от ревности горя.
И ночами снится мне недаром
Холодок базальтовой скалы,
Тронутые грязью и загаром
Ноги волосатые твои.
Жрать захочешь – приди...[21]

Часть 3

Ведущий 2: «По Абаниным следам». Часть третья: «Столяр и география научного поиска».

Ведущий 1: География научно-практической деятельности Столяра необычайно широка – от Кольского полуострова и Карелии до Северного Кавказа, от Эстонии и Смоленщины до Забайкалья. Этот сравнительно частный сюжет в исследуемой нами обширной научно-практической фольклорно-археологической проблеме мог бы стать темой самостоятельного и, почти наверняка, квалификационного исследования – диссертации или, как минимум, дипломного сочинения.

Ведущий 2: Оставляя, однако, разработку частных сюжетов для будущих исследователей, отметим: география творческих замыслов и помыслов Столяра, нашедшая свое отражение в песенном фольклоре археологов, значительно шире, чем это может показаться на первый взгляд – от Испании до островов в океане. Подтвердим это положение несколькими конкретными источниками.

Соло:

Он был кавалер-импозанто,
Служил он в утиль сырьерито,
Носил вместо галстука банто
И часто ходил к Степанидо.

Она была официанто
И красила губы кармино,
Все брови себе выщипанто,
Но все-же была уродино.

Накрашено, но не умыто
Любила плясать фокстротито:
Шестнадцатым потом облито,
Топталась она как слонидо.

На острове Таити
Жил негр Тити-Мити,
Жил негр Тити-Мити,
Был черный как сапог.
Вставал он утром рано,
Съедал он три банана
И, съевши три банана,
Ложился на песок.

Шептал он: «Я вас обожанто,
Как тореодор из Толедо.
Нельзя ли мне было-б по бланто
Иметь две-три пары обедо?»

Она отвечала: «Я радо».
С работы сбегала с ним рано.
И целых четыре декадо
Кормила его как кабанто.

Когда же ее увольнянто,
Он высказал ей свое кредо:
«Я вас перестал обожанто –
Любовь не сладка без обедо» [22].

Хор:

Была у Тити-Мити
Супруга Фиги-Мити,
Супруга Фиги-Мити
И попугай Кеке.
Однажды на Таити
Приехала из Сити,
Красавица из Сити
Мисс Мери Бильбоке.

С. В. Белецкий

В красавицу из Сити
Влюбился Тити-Мити,
Влюбился Тити-Мити
И попугай Кеке.
Супруга Фиги-Мити
Решила отомстити,
Решила отомстити –
И мужу и Кеке.

У девушки с острова Пасхи
Украли любовника тигры.
Украли любовника
В форме чиновника
И съели в саду под бананом.

У девушки с острова Пасхи
Родился коричневый мальчик.

Он бессвязно шептал про любовь
И портреты с обоев срывал,
И по стенкам разбрызгивал кровь,
Когда кишки стамеской вскрывал.
А ведь в ней он не чаял души:
Тот платок – это память о ней.
Он немного себя придушил –
Он хотел, чтобы было верней.
Фудзияма – не яма – гора
Над священной и быстрой рекой.
Ямамото – такой генерал,
Харакири – обычай такой.

Проклинай судьбину свою
(На дворе, между прочим, январь!),
Он нарочно напозл на змею,
И впилась ядовитая тварь!
В чай разбитое бросил стекло,
Глядя все на заветный платок,
И, чтоб время не даром прошло,
Сделал очень приличный глоток.
Фудзияма – не яма – гора...

Всю посуду и мебель круша,
Он у газовой встал у плиты,
Все конфорки открыл и дышал,
И шептал: «Если б видела ты!»
А когда уже не было сил,
Он воскликнул: «Была ни была!» –
Чиркнул спичкой, зажег керосин,
И, как факел, в ночи запылал!
Фудзияма – не яма – гора...

Ведущий 1: Далеко не во всех местах, о которых упоминается в источниках, Столяр побывал. Может быть поэтому в источниках мы встречаем столько грусти...

Часть 4

Ведущий 2: «По Абаниным следам». Часть четвертая: «Современная Столяриада».

Ведущий 1: Столяр – не только исследователь и педагог. Он – борец. И в своей борьбе он давно перешагнул те границы, которые предписаны академической наукой: ему в них тесно. Историография и историософия, политика и политология, культурология и борьба за чистоту языка – вот только некоторые из направлений современной деятельности Столяра.

Ведущий 2: При кипучей, бьющей через край энергии Столяра и его обостренном чувстве справедливости такая широта интересов не удивляет. Как не удивляет и то, что современные интересы Столяра фольклоризовались, причем – порой за-долго до того, как действия свершились.

Однажды утром рано
Лежат, как три банана,
Лежат, как три банана,
Три трупа на песке:
Красавица из Сити
И негр Тити-Мити,
И негр Тити-Мити,
И попугай Кеке [23].

Соло, хор:

Поймали и этого,
Еще не одетого,
И съели в саду под бананом.

Бананы давно облетели,
И тигры давно облысели,
Но каждую пятницу,
Лишь солнце закатится,
Кого-то жуют под бананом [24].

Соло:

Догоравшей рукою смахнул
Он с горящего глаза слезу
И с крутого обрыва махнул
Под катящийся поезд внизу.
Его тело наутро нашли.
Врач сказал, посмотрев сквозь очки:
«Опоздали вы на пять минут, –
Медицина бессильная тут!».
Фудзияма – не яма – гора
Над священной и быстрой рекой.
Ямамото – такой генерал,
Харакири – обычай такой.

Икебана не пища – цветы,
Гейши их собирали в букет,
Самураи уж больно круты,
Не достать на Кабуки билет!

Фудзияма – не яма – гора!
Камикадзе любили сакэ.
Цунами бушевало в Консю,
Кимоно на Хоккайдо в ходу.

Фудзияма – не яма – гора!
Чио-Чио-Сан, если б знала
Джиу-джитсу, дзю-до, карате
Не случилось бы с ним ничего! [25].

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Хор:

Царь Николашка, самодержец всей Руси,
Хотя на морду он не очень был красив,
При нём водились караси,
При нём плодились пороси,
И, в общем, было чего выпить-закусить.
Но в октябре его маненечко того,
Тогда узнали мы всю правду про него:
Что он рабочих не любил,
Что он евреев изводил
И что не видел дальше носа своего.

Отец Иосиф был народный наш отец,
Он строил ГЭС, он строил ГРЭС, он строил ТЭЦ.
При нем колхозы поднялись,
У лорда слезы пролились,
Капитализму наступил при нем конец.
Но в октябре его маненечко того,
Тогда узнали мы всю правду про него:
Что он марксизму изменил,
Что многих жизни он лишил,
И что сидели все в тюрьме до одного.

Потом Никитушка, он ростом был с аршин,
Но дел великих он немало совершил:
При нём пахали целину,
При нём пихали на Луну,
И лучшим другом стал великий вождь У-Ну.
Но в октябре его маненечко того,
Тогда узнали мы всю правду про него:
Что кукурузу насадил,
Что он Насера наградил
И еще много кой-чего наворотил.

А время движется и движется вперед,
Но если кто-нибудь когда-нибудь помрет,
На то она история, та самая, которая
Ни слова ни полслова не соврет [26].

Ведущий 2: Нетрудно заметить, что в этом источнике как в капле воды отразились апрельские тезисы Столяра [27], ставшие знаковым событием для Исторического факультета Санкт-Петербургского университета.

Ведущий 1: Совершенно особая тема – Столяр и российская словесность. Что скрывать – плохо современная молодежь знает отечественную классику: в этом ежедневно и ежечасно убеждается каждый вузовский преподаватель.

Ведущий 2: И вот Столяр, рассказывая на лекциях по истории первобытного общества о происхождении семьи, изящно проводит параллели между первобытностью и золотым веком отечественной литературы.

Хор:

В имени в «Ясной поляне»
Жил Лев Николаич Толстой.
Он рыбу и мясу не кушал –
Ходил по имению босой.

Жена его Софья Толстая –
Обратно, любила поесть;
Она не ходила босая –
Хранила дворянскую честь.

И плакал великий писатель
И кушал вареный овес
И роман его «Воскресенье»
Читать невозможно без слез.

Великим был Лев Николаич
Он был всенародный кумир

За роман его «Анна Каренина»
И пьесу «Война или мир»

Однажды, любимая мама
На барский пошла сеновал –
Случилась ужасная драма –
Граф маму изнасиловал.

Вот так разлагалось дворянство,
Вот так разлагалась семья.
И в результате того разложения
На свет появился и я.

В суровом огне революций,
В агонии творческих мук
Подайте, подайте, граждане,
Из ваших мозолистых рук [28].

С. В. Белецкий

Ведущий 1: Труднее всего Столяру-педагогу. Особенно с первокурсниками – недавними гимназистами, у каждого из которых свои интересы, свои симпатии и антипатии. Трудно представить себе, с каким народом Столяру приходится работать.

Хор:

Я гимназистка,
Седьмого классу,
И пью я водку
Заместо квасу!
Ах, шарабан мой, американка!
А я девчонка, я шарлатанка!

Один поручик,
Веселый парень
Был мой попутчик
И был мой барин
Ах, шарабан мой, американка...

Продам я книги,
Продам тетради –
Пойду в актрисы
Я смеха ради
Ах, шарабан мой, американка...

Вся Молдаванка
Сошлась на бан,
Там продается
Мой шарабан
Ах, шарабан мой, американка...

Порвались струны
Моей гитары,
Когда бежала
Из-под Самары!
Ах, шарабан мой, американка...

Прощайте, други!
Я уезжаю!
Кому должна я –
Я всем прощаю!
Ах, шарабан мой, американка... [29].

Ведущий 2: Но никто и никогда не слышал от Столяра прямолинейных нравочений. А в тех случаях, когда Столяру приходится делать студенту замечание, это замечание неизменно сопровождается знаменитым, вошедшим в истфаковские легенды «*Mea culpa*»². На этой фразе Столяра – «*Mea culpa*» – можно было бы и завершить наше фольклорно-археологическое, научно-практическое исследование проблемы «Столяр и песенный фольклор археологов».

Эпилог

Ведущий 1: И все-таки – еще несколько слов. «Фольк» – народ. «Лор» – язык. «Фольклор» – язык народа. Поэтому фольклорные памятники по своей сути безымянные. Конечно, у каждой песни изначально, на уровне прототекста, был автор. Но если песня «пошла», стала обрастать новыми куплетами и новыми вариантами, это – свидетельство тому, что песню признали «своей».

Ведущий 2: И завершить свое исследование мы хотели бы еще одной песней. Не знаем, станет ли она фольклором, но то, что станет источником – в этом не сомневаемся.

Хор:

Дым сигарет, как дым отечества...
И проясняется в мозгах:
А мы ведь родом из студенчества
И нам отечество – Истфак.

Он знает магию забытую –
Как из щенков растить китов.

На Менделеевской на линии
Семь шкур сошло и семь потов.
Зато узнали мы, что плиннии –
Сперва, а энгельсы – потом...

Года летят, он не меняется –
Заворожит, обворожит.
Когда же мы остепеняемся,
То на защиты к нам спешит.

Но жить там, в общем, очень весело,
Когда б не вредный деканат,
Не семинары и не сессии,
Где топят маленьких щенят.

Признаем же без колебания,
Что мы – плоды его труда.
Клянемся бородой Абаниной
Его здоровье пить всегда!

Да только ясно даже олухам,
Нам эти беды – не беда.
Как щит и меч, для археологов
Блестит Абани борода!

А после грянем – да не сидючи,
Да так, чтоб вздрогнула Нева –
Ура, ура, Абрам Давыдычу,
Абани Столяру – виват!

Познавший душу первобытную,
Студенту близок как никто,

Ура, ура, Абрам Давыдычу,
Абани Столяру – виват! [30].

² *Mea culpa* – моя вина, грешен (лат.).

КОММЕНТАРИИ

1. С. Б. Устная традиция связывает происхождение «Гимна археологов» с кафедрой археологии МГУ начала 1950-х гг. (Песенный фольклор археологических экспедиций // Далекое прошлое Пушкиногорья. СПб., 2000. Вып. 6. С. 43-44). См. также коммент. 32 Приложения 2.

2. С. Б. Сокращенный вариант песни «По рюмочке, по маленькой...» (см. коммент. 27 Приложения 1). По рассказам моей матери, старшего научного сотрудника ОИРКГЭ А. С. Косцовой (род. в 1920 г.), в 1920-е гг. в г. Кимры (на границе Московской и Калининской обл.) в доме моего деда С. М. Косцова припев этой песни пели в следующем виде «По маленькой, по маленькой, налей, налей, налей! / По маленькой, по маленькой, чем поют лошадей / Пей, пей, веселись, на хорошенькой женись».

3. С. Б. «Менделеевская, 5» – здание на Менделеевской линии Васильевского острова, в котором находится исторический факультет СПбГУ.

4. См. примеч. 15 Приложения 2.

5. С. Б. Имеются в виду работы А. Д. Столяра, посвященные Мариупольскому могильнику (Столяр А. Д. Мариупольский могильник // Сборник студенческих и аспирантских работ исторического факультета ЛГУ. Л., 1947. С. 3-56; Он же. Мариупольский могильник как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953; Он же. Мариупольский могильник как исторический источник: опыт ист.-культур. анализа памятника // Совет. археология. 1955. Т. 23. С. 16-37; Он же. Об одном центре одомашнивания свиньи // Там же. 1959. № 3. С. 3-18).

6. См. примеч. 4 Приложения 2.

7. См. примеч. 30 Приложения 1.

8. С. Б. М. И. Артамонов (1898–1972) – доктор исторических наук, профессор исторического факультета ЛГУ, в 1949–1972 гг. – заведующий кафедрой археологии.

9. С. Б. В. Ф. Гайдукевич (1904–1966) – доктор исторических наук, с 1932 г. сотрудник (в послевоенные годы – заведующий) группой античной археологии ГАИМК – ИИМК – ЛОИИМК – ЛОИА, с 1938 г. преподаватель (с 1953 г. – профессор) исторического факультета ЛГУ.

10. С. Б. М. К. Каргер (1903–1976) – доктор исторических наук, сотрудник ЛОИИМК – ЛОИА, в 1951–1974 гг. зав группой славяно-русской археологии ЛОИИМК – ЛОИА, в 1964–1972 гг. заведующий ЛОИА, профессор исторического факультета ЛГУ.

11. С. Б. Песня «Орел Шестого легиона» появилась не позднее конца 1970-х гг., а широко распространилась в археологических экспедициях в 1980-е гг. (Песенный фольклор археологических экспедиций. С. 53-54).

12. С. Б. С. А. Ковалев (1886–1960) – доктор исторических наук, профессор, в 1934–1960 гг. заведующий кафедрой истории Древней Греции и Рима исторического факультета ЛГУ.

13. С. Б. Сокращенная версия песни «Скифы» / «Скифская баллада» (см. примеч. 39 Приложения 2).

14. А. Б., М. В. Песня «Я потомок хана Мамаю» / «Азиатская» / «Тохтамыш» написана в 1964 г. студентом МГПИ В. Бережковым (Антология бардовских песен. С. 77-78).

15. См. примеч. 18 Приложения 2.

16. С. Б. Песня «Искусствовед» написана в 1977 г. студентом кафедры истории искусств исторического факультета ЛГУ В. Беяевым («Мы по речке, по Каспле идем...»: экспедиц. фольклор искусствоведов / сост. Вал. А. Булкин. СПб., 2001. С. 11-13).

17. С. Б. В. 1936–1938 гг. на Оленьем острове (северная часть Онежского озера) экспедиция под руководством В. И. Равдоникаса (см. примеч. 30 Приложения 1) проводила раскопки неолитического Оленеостровского могильника. Летом 1937 г. только что окончивший девятый класс Столяр принял участие в раскопках этого могильника (Столяр А. Д. Мои года – мое богатство // Путь археолога. СПб., 2001. С. 10).

18. С. Б. С. Н. Бибилов (1908–1989) – доктор исторических наук, чл.-кор. АН Украинской ССР, в конце 1930 – середине 1950-х гг. работал в ГАИМК – ИИМК – ЛОИИМК, с конца 1950-х гг. – директор ИА Академии наук УССР.

С. В. Белецкий

19. С. Б. А. Н. Окладников (1908–1981) – доктор исторических наук, академик, Герой социалистического труда, в 1934–1961 гг. сотрудник ГАИМК – ИИМК – ЛОИИМК – ЛОИА, в 1949–1951 гг. – заведующий ЛОИИМК, в 1951–1961 гг. заведующий отделом палеолита ЛОИИМК – ЛОИА, в 1961–1981 гг. сотрудник (с 1966 г. директор) Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, с 1939 по 1961 г. преподавал на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ, с 1962 г. – профессор, заведующий кафедрой Всеобщей истории Новосибирского государственного университета.

20. С. Б. С. Н. Замятин (1899–1958) – в 1924–1946 гг. сотрудник ГАИМК – ИИМК – ЛОИИМК, в 1933–1938 и 1945–1958 гг. сотрудник МАЭ, преподавал на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ.

21. А. Б., М. В. Песня «Мезозойская культура» / «Мезозойское танго» / «Жрать захочешь – приди...» представляет собой переделку «Ленинградского танго» («Если любишь – приди...») Л. Ошанина и К. Листова («Я вас по-прежнему люблю»: песни прошлых лет. М., 1991. С. 77). В кустарно издававшихся студенческих песенниках авторство переделки приписывалось А. Генкину, однако точно это пока не установлено (Песенный фольклор археологических экспедиций. С. 32-33, 95-96).

22. С. Б. Песня «Он был кавалер импозанто» появилась не позднее середины – второй половины 1940-х гг. Во всяком случае, в 1949–1951 гг. ее пели в Волго-Донской экспедиции ЛОИИМК (Песенный фольклор археологических экспедиций. С. 89-90).

23. С. Б. Сокращенный вариант песни «На острове Таити...» («В нашу гавань...». С. 359). Песня представляет собой подтекстовку на мелодию «Песенки Чарли Чаплина» («Я бедный Чарли Чаплин...»). Напрашивающееся сопоставление этой песни с известной городской песней частушечного типа «По улице ходила большая крокодила...» представляется мне сомнительным не только из-за различий в мелодии, но также и из-за разницы в размере строфы.

24. С. Б. Сокращенный и отличающийся от опубликованного вариант песни «У девушки с острова Пасхи» («В нашу гавань...». С. 358).

25. С. Б. Песня «Фудзияма» получила широкое распространение в археологических экспедициях с середины 1980-х гг., известна в двух (условно, «южный» и «северный»), не сводимых один к другому вариантах текста (Песенный фольклор археологических экспедиций. С. 36-39). Эта песня попала в «археологическую среду» не позднее 1983 г., возможно – через Кубанскую экспедицию ЛОИА. В рукописи П. Азбелева «Майн Кайф» отмечено: «Группа любвеобильных девиц из ЛИИЖТа все время пела нежным хором “Фудзияму”, оттуда мы ее и принесли. Мы зачем-то “Фудзияму” отрихтовали, окончательно преобразили в триллер». Очевидно, что выявленные варианты песни представляют собой первоначальный текст («южный» вариант), и «отрихтованный» текст Азбелева («северный» вариант). Благодарю А. В. Виноградова, познакомившего меня с рукописью Азбелева.

26. А. Б., М. В. Песня «Жил был Миколка, самодержец всѣй Руси» (1965) А. Д. Флейтмана (Флейтман А. Д. Я демон-шут: стихи и песни. Л., 1991. С. 30).

Жил-был Миколка, самодержец всѣй Руси.
Хоша на рыло был он малость некрасив,
При ём водились караси,
При ём плодились пороси,
Ну, в обчем, было чего выпить-закусить.
Но в феврале ево маненечко тово,
Тады всю правду мы узнали про ево,
Что он жидочиков громил,
Что он рабочих не кормил,
Что не глядел он дальше носу своево.

Жил-был товарищ Сталин, рѣднѣй наш отец.
Он строил домны, строил ГЭСы, строил ТЭЦ
При нём колхозы поднялись,
У лордов слезы полились
Капитализьму наступил тады пиздец.

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Но тут кормилец наш нежданно тово
Тады всю правду мы узнали про ево,
Что он марксизим нарушал,
Что многих жизни порешал,
Что в лагеря загнал он всех до одново.

Жил-был Микитушка, сам ростиком с аршин,
Зато делов уж больно много совершил:
При ём пахали целину,
При ём пихали на Луну,
При ём дорвались до сияющих вершин.
Но в октябре ево маненечко тово,
Тады всю правду мы узнали про ево,
Что он с три хера накрутил,
Что он Насера наградил,
И что свербило, дескать, в жопе у ево.

А мы по-прежнему все движемся вперед,
А ежели кто-нибудь случайно и помрет,
Так ведь на то она история
Та самая, которая
Ни столько,
Ни полстолько
Не соврет!

С. Б. *В сценарий включен вариант песни, незначительно отличающийся от опубликованного фольклорного текста («В нашу гавань...». С. 304). В 1970-е гг. на студенческих археологических конференциях (см. коммент. 18 Приложения 2) эту песню пели с иным текстом:*

Жил Николашка, самодержец, на Руси,
И хоть он внешне был немного некрасив,
При нём водились караси,
При нём жирели пороси,
И, в общем, было чего выпить-закусить.
Но в октябре его маленечко того,
Тогда узнали мы всю правду про него:
Что он рабочих не кормил,
Что он страну всю разорил
И что не видел дальше носа своего.

Потом был Сталин – наш заступник и отец,
Он строил ГЭС, он строил ГРЭС, он строил ТЭЦ.
При нём колхозы поднялись,
И слезы счастья пролились,
Капитализму наступил при нём... конец.
Но в октябре его маленечко того,
Тогда узнали мы всю правду про него:
Что он народ перестрелял,
В решеньях грубость применял,
И что гораздо было б лучше без него.

Потом Никитушка, он ростом был с аршин,
Но дел немало он великих совершил:
При нём пахали целину,
При нём пихали на Луну,
При нём достигли мы сияющих вершин.
Но в октябре его маленечко того,
Тогда узнали мы всю правду про него:
Что он чуть культ не возродил,
Что он Насера наградил
И что не видел дальше носа своего.

А время движется, всё движется вперед,
И если кто-нибудь маленечко помрет,
На то она история, та самая, которая
Ни слова, ни полслова не соврет.

С. В. Белецкий

27. С. Б. Речь идет о выступлении А. Д. Столяра на Ученом совете Санкт-Петербургского государственного университета 23 апреля 2001 г. (Санкт-Петербург. ун. 2001. 25 мая. С. 24-26).

28. С. Б. Сокращенный и фольклоризованный текст песни «О графе Толстом – мужике непростом» (1951) А. П. Охрименко, С. П. Кристи и В. Ф. Шрейберга (Антология бардовской песни. С. 684-685):

Жил-был великий писатель
Лев Николаич Толстой,
Мяса и рыбы не кушал,
Ходил по имению босой.

Он очень удачно родился
В деревне наследной своей.
Впоследствии мир удивился.
Узнав, что он графских кровей.

Граф юность провел очень бурно,
На фронте в Крыму воевал,
А в старости очень культурно
В именье своем проживал.

В имении, в Ясной Поляне,
Любых принимал он гостей,
К нему приезжали славяне
И негры различных мастей.

Вступал он с правительством в трения.
Но был он народа кумир,
Закончил граф «Анну Каренину»,
А также «Войну и мир».

Но Софья Андреевна Толстая
Совсем не такая была,
И, рукопись мужа листая,
Говядины много жрала.

Да, Софья Андреевна Толстая,
Напротив, любила поест,

Она не ходила босая,
Спасая фамильную честь.

Великие потрясения
Писатель в быту перенес,
И роман его «Воскресение»
Читать невозможно без слез...

Легко нам понять-догадаться.
Ведь все мы живем на земле,
Что так не могло продолжаться
В старинной дворянской семье.

Наскучило графу все это.
Решил он душой отдохнуть –
Велел заложить он карету
И в дальний отправился путь.

В дороге, увы, простудился,
И на станционном одре
Со всеми беззлобно простился
И милостью Божьей помре.

На этом примере учиться
Мы все, его дети, должны –
Не надо поспешно жениться,
Не выбрав хорошей жены.
Не надо, ребята, поспешно жениться,
Не выбрав хорошей жены,
Нельзя под венец или в загс торопиться
Последствия будут грустны!

Фрагмент первоначального текста песни, написанный в 1950 г. С. П. Кристи, опубликован Б. Сарновым (Сарнов Б. Интеллигенция поет блатные песни... // Вопросы лит. 1996. № 7. С. 355):

Жил-был великий писатель,
Лев Николаич Толстой.
Не ел ничего он мясного,
А только все книжки писал.

Подайте, подайте, граждане,
Я сын незаконный его,
Подайте кто может, сколь может,
Копейкой своей трудовой.

Я с роскошью с детства спознался,
Средь фарфора-мебели жил,

И вот меня бедного крошку
Этапом угнали в Сибирь.

Об этом проведал мой папа
И к Чехову письма писал:
«Ты ближе к начальству, Антоша,
Спаси дорогое дите!»

А Чехов ему отвечает:
Мол, дело совсем не мое,
Подайте, подайте, граждане...
И т. д.

А. Б., М. В. В Псковской археологической экспедиции Эрмитажа в 1970 – 1980-е гг. бытовал вариант этой песни, отличающийся от большинства опубликованных фольклоризованных текстов подчеркнутым искажением отчества Толстого,

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

а также включением куплетов, по другим спискам, кажется, не фиксировавшихся (Песенный фольклор археологических экспедиций. С. 29-30):

В имени, в «Ясной поляне»
Жил Лев Алексеич Толстой.
Он рыбу и мясо не кушал –
Ходил по имению босой.

А Ленин наглядно считает,
Что Лев Алексеич велик
Не токмо как русский писатель,
Но также как русский мужик.

Жена его, Софья Толстая,
Обратно, любила поесть;
Она не ходила босая –
Хранила дворянскую честь.

Из этой сложнейшей проблемы
Понять вы, ребята, должны:
Суждения Ленина верны,
Плеханова же неверны.

И плакал великий писатель,
И кушал вареный овес;
И роман его «Воскресенье»
Читать невозможно без слез.

Однажды любимая мама
На барский пошла сеновал.
Случилась ужасная драма –
Граф маму изнасилвал.

Великим был Лев Алексеич,
Он был всенародный кумир
За роман свой «Анна Каренина»
И пьесу «Война али мир».

Вот так разлагалось дворянство,
Вот так распадалась семья;
И в результате того разложения
На свет появился и я.

Георг Валентиныч Плеханов
Считал, что писатель Толстой
Писатель был очень неглупый,
Философ же очень плохой.

В суровом огне революций,
В агонии творческих мук
Подайте, подайте, граждане,
Из ваших мозолистых рук.

Иногда вместо строк «В суровом огне революций / В агонии творческих мук» пели:
«Я ентова графа Толстого / Незаконнорожденный внук».

29. А. Б., М. В. Интересные сведения о песне «Шарабан» приведены в статье М. Ливеровской (Ливеровская М. Что и как поет Волга // Музыкальная летопись: ст. и материалы. Л., 1926. С. 146): «В начале 20-х годов вся Самара пела знаменитый «Шарабан». Вначале это были куплеты с припевом вроде такого:

Прощайте, други, я уезжаю!
И шарабан мой вам завещаю.
Ах, шарабан мой, шарабан
А я мальчишка шарлатан.
или:
Я гимназистка шестого класса,
Пью денатурку заместо кваса.
Ах шарабан мой, американка,
А я девчонка я шарлатанка.

Песня по происхождению городская, частушечного типа».

30. С. Б. Песня написана в 2001 г. кандидатом исторических наук, сотрудником ИИМК Е. В. Беляевой.